

INSPIRIA

18+

ПРОФИЛЬ

НЕЗНАКОМЦА

Бывших профайлеров
не бывает...

АМАНДА КАЙЛ УИЛЬЯМС

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Аманда Кайл Уильямс

Профиль незнакомца

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Ñîâ)-44

Уильямс А.

Профиль незнакомца / А. Уильямс — «Эксмо», 2011 — (Ток.
Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-196229-6

Блестящий психологический триллер о противостоянии извратливого серийного убийцы и бывшего профайлера. Для его написания автор проходила обучение у всемирно известного криминалиста и профайлера Брента Тарви. А также окончила курсы для сотрудников правоохранительных органов по расследованию серийных убийств и поработала в частной детективной компании. ТЕРРИТОРИЯ ЗВЕРЯ Атланта, штат Джорджия. В изнуряющую летнюю жару у жителей столицы буквально стынет кровь в жилах. В городе охотится на людей серийный убийца, равного которому по жестокости здесь еще не было. Самоуверенный и наглый, этот зверь шлет издевательские письма в СМИ, обещая новые смерти. И пока что не оставил после себя ни единого следа... ИГРА ДЛЯ ДВОИХ Отчаявшись остановить маньяка своими силами, лейтенант полиции Аарон Раузер обращается к единственному человеку, который может проникнуть в безумный разум: Кей Стрит, бывшему профайлеру ФБР и бывшей алкоголичке. Давно уволившись из Бюро, она ведет новую жизнь, далекую от охоты за серийными убийцами. Но отказать старому другу не может. Тем более что для Кей ясно — БЫВШИХ ПРОФАЙЛЕРОВ НЕ БЫВАЕТ... «Уильямс создала одного из самых реалистичных главных героев в криминальной литературе, с которым я с удовольствием познакомилась». — Тесс Герритсен «Исключительно умный роман с мощным центральным персонажем». — Карин Слотер «Кей Стрит — мой тип детектива. Она очень непростая, сообразительная, с кучей недостатков и наделенная острым, наблюдательным и темным умом». — Джослин Джексон «С Кей Стрит стоит познакомиться всем». — The Sun «Уильямс уверенно справляется с описанием следственных процедур, использует откровенный язык, чтобы изобразить жуткого убийцу, и не прочь добавить немного южного юмора в мрачное повествование». — New York Times Book Review «Взрывной, непредсказуемый и психологически сложный

триллер, выворачивающий наизнанку штампы криминального жанра». – Publishers Weekly «В конце романа вы обязательно хлопнете себя по лбу, вспоминая все подсказки, которые вы пропустили». – The Atlanta Journal Constitution

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Ñîå)-44

ISBN 978-5-04-196229-6

© Уильямс А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Аманда Кайл Уильямс

Профиль незнакомца

*Посвящается Анне Скотт Уильямс, источнику моего вдохновения,
и Донни Кайлу Куинну, который помог посеять это семя*

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

© Перевод с англ. яз., Бушуев А.В., Бушуева Т.С., 2024

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2024

Солнце еще не успело высушить росу с травы под виргинскими дубами, а воздух уже был таким вязким и мутным, что в нем можно было плавать. Стоял мертвенный летний зной.

В припаркованной на ее улице машине, которую она еще не заметила, терпеливый охотник вытер с лица струйку пота, наблюдая за тем, как Уэстмор-драйв начинает свой сонный бег к середине недели.

Окна небольшого кирпичного дома с белыми ставнями распахнулись около семи, и она впервые появилась в виде смутного силуэта за кухонным окном – почти абстрактный образ за стеклом и противомоскитной сеткой, но тем не менее предмет его желания. Из ее окон

доносился запах готовящейся еды – жареного бекона, тостов и кофе, – и убийца впервые за это безмятежное летнее утро ощутил приступ голода.

Где-то в десять на улице стало тихо. Последний сосед уехал на работу, как всегда ровно в 9:50. Запахи из кухни Лэй Кото – так зовут эту женщину – изменились: вместо ароматов обычного завтрака теперь пахло чем-то другим, капустным и вонючим.

Дверца машины открылась. За этим последовали шаги по бетонной дорожке, портфель, хорошая обувь, белоснежная улыбка, визитка.

Они всегда открывают дверь.

Глава 1

Меня зовут Кей Стрит. Имя досталось мне от моего азиатского дедушки, а мои приемные родители наградили меня фамилией. По профессии я частный детектив – вернее, судебный пристав и агент по взысканию залогов. По жизни я завязавший алкоголик, страстно верю в чизбургеры «Кристалл» и пончики «Криспи крим». А еще я бывший профайлер – поведенческий аналитик ФБР. Как я оказалась здесь, на юге, где в большинстве районов Джорджии в глазах местных жителей выгляжу как гребаная иностранка и вообще говорю как последняя деревенщина, остается загадкой, которую Эмили и Говард Стрит так мне и не раскрыли. Знаю только, что они так сильно хотели ребенка, что взяли из приюта и удочерили тощую девчонку китайского происхождения с сомнительными генами. Мои дедушка, бабушка и опекуны были убиты, а моими биологическими родителями были два наркомана и одна исполнительница экзотических танцев. Я их не помню. Вскоре после моего рождения они пустились в бег. Я в состоянии произнести лишь пару слов по-китайски, но моя приемная мать, Эмили Стрит, как никто другой из известных мне людей владеющая искусством намеков, научила меня изящному, пассивно-агрессивному языку женщин-южанок. Родители пытались обзавестись симпатичным белым мальчиком, но было в прошлом моего отца нечто такое, чем они всю мою жизнь наотрез отказывались делиться со мной, из-за чего они получили отказ. Мне потребовалось не слишком много времени, чтобы понять: южане – чрезвычайно скрытные люди.

Я еще в детстве полюбила Юг, всегда страстно любила его и люблю до сих пор. Вы учитесь прощать его за ограниченный ум и проблемы переходного возраста, потому что у него широкое сердце. Вы прощаете ему душное лето, потому что весна пышна и радует глаз россыпью пастельных тонов, потому что ноябрь изумляет пламенем пурпурной и золотой листвы, потому что зима коротка и милосердна, потому что кукурузный хлеб, сладкий чай и жареный цыпленок – такая же важная часть воскресенья, как нарядное платье для церкви, и потому что любой южанин, достойный своего имени, всегда говорит «пожалуйста» и «спасибо». Это легкий воздух и летние лозы, сосновые леса и мясистые домашние помидоры. Это возможность сорвать с персикового дерева плод и дать сладкому соку стекать по подбородку. Это скрытая, но глубокая симпатия к нашим соседям в Алабаме, которые вынуждены терпеть основную тяжесть шуток про Баббу¹. Юг проникает к вам в кровь, обоняние и через кожу пробирается до самых костей. Я в меньшей степени часть Юга, нежели он – часть меня.

Это романтическое понятие, подкрепленное географией. Но мы все здесь слегка мечтательны. Мы – Ретт Батлер, Скарлетт О'Хара и Роза Паркс в одном лице.

У моего афроамериканского брата Джимми – родители усыновили его через два года после моего появления в их семье – был совершенно другой опыт. Не будучи белыми, мы оба не раз становились жертвами невежества и стереотипов, но даже это, похоже, сработало в мою пользу и против Джимми. Люди часто удивлялись тому, что я говорю по-английски, а мой южный акцент их просто очаровывал. Они также считали, что мое азиатское происхождение ставит меня на уровень выше среднего. От меня ждали успехов и поощряли в стремлении к ним. Но те же самые люди ночью перешли бы на другую сторону улицы, лишь бы не делить тротуар с моим братом, полагая, что, будучи черным мужчиной, он крайне опасен. Джимми перенял у нашей матери прибрежный каролинский акцент, типичный для белых южан в белом районе, еще в то время, когда разнообразие не было поводом для гордости. В результате он не вписывался ни в одно сообщество – и, учась в старших классах, подал заявления в несколько университетов Западного побережья и тщательно спланировал свой побег. Джимми мастер по

¹ «Старина Бабба» – олицетворение невежества и косности белого населения в маленьких городах или сельской местности южных штатов США.

части планов. Он осторожен во всем. У него идеальная кредитная история, его никогда не увольняли с работы, он не имел проблем с наркотической зависимостью и ни разу, перебрав спиртного, не летел по Пятой авеню в Нью-Йорке, высунув голову из люка в крыше лимузина и крича «Эй, вы все», как это делала я. Джимми – хорошо воспитанный ребенок. Сейчас он живет в Сиэтле, и даже обещание маминого пирога-коблера с начинкой из ежевики не способно заманить его домой в Джорджию.

Как я оказалась здесь этой ночью, крадучись вдоль старого каркасного крыльца и сжимая обеими руками свой 10-миллиметровый «Глок», это совершенно другая история, – но да, я прижималась телом к дому, и к моей спине, обтянутой черной футболкой, прилипла облупившаяся краска. Когда-то меня звали специальным агентом Стрит. Звучит красиво, правда? Я была превосходно подготовлена для такого рода работы, провела массу времени в полевых условиях и в конце концов получила направление в Национальный центр анализа насильственных преступлений (НЦАНП) в Куантико в качестве аналитика по уголовным расследованиям, специалиста-профайлера. Через несколько лет ФБР отобрало у меня пропуск и пистолет и вручило мне уведомление о разводе. «У вас есть мозги и талант, доктор Стрит. Но вам не хватает сосредоточенности».

Помню, в тот момент я еще подумала, что единственное, чего мне действительно не хватало, так это стакана хорошего виски, что, разумеется, и было частью проблемы.

В тот день меня сопроводили в гараж ФБР, где под углом к линии между двумя парковочными местами стоял мой старый кабриолет «Импала» 1969 года выпуска, белый на белом, и длиной около полумили. Выпереть одного специального агента – вернуть два парковочных места. Шикарная сделка.

И вот, четыре года спустя, я прошла под занавешенным передним окном дома и беззвучно поздравила себя с этим достижением. Скрипнуло гнилое крыльцо. По оконным стеклам плясали отблески экрана включенного телевизора; звук был приглушен настолько, что я едва могла его разобрать. Подождала, застыв и прислушиваясь к любому движению внутри, затем вытянула шею и попыталась заглянуть за занавески. И увидела очертания человека. Оппа! Да еще какие!

Подобные задания – та еще работенка. Поручители не сидят на месте. Нужно рискнуть и войти при первой же возможности. Времени на изучение места, привычек, посетителей – нет. Я была здесь одна, без всякой поддержки, вся холодея от страха. Сердце колотилось в груди как бешеное, адреналин бил как струя воды из пожарного шланга. Я даже чувствовала его вкус. Миндаль и сахарин. Я была напугана до чертиков, но мне это даже нравилось.

Глава 2

Уличные фонари были погашены, ночь завернулась в тонкие белые облака, которые отбрасывали слабый свет на заросший сорняками двор и удерживали зной, как одеяло. Атланта летом – удушающая и сырая. По причине вздернутых нервов и влажной духоты по лицу градом катился пот – от линии роста волос на потемневшие скулы. Я была в гриме и одета для ночной работы. Присев у входной двери, порылась в своем черном холщовом рюкзаке, нащупывая Тома. Во всяком случае, я называла эту штуку «Том», как в том выражении «Любопытный Том», – 36-дюймовую оптоволоконную трубку с миниатюрным экраном на одном конце и электронным глазом на другом. На такой работе Том избавляет от многих ошибок. Покрутив, я засунула крошечную трубку под дверь и довольно неплохо разглядела переднюю комнату.

Объект наблюдения, рецидивист Антонио Джонсон, неоднократно совершал насильственные преступления. Он гулял на свободе уже два месяца после того, как снова ограбил магазин. Три недели назад я выследила его в Канаде, но потом потеряла след. Однако его бывшая жена жила в Атланте, и Джонсон уже преследовал ее в прошлом. В ее доме вновь начались телефонные звонки, и звонивший бросал трубку. Благодаря помощи друга из полицейского управления Атланты эти звонки удалось отследить. Они привели к телефону-автомату в задрипанном мотеле в Вест-Энде Атланты, где всюду торговали крэком. Я нашла там людей, которые знали Джонсона. Один из них сдал его всего за тридцать долларов. Джонсон нашел себе пристанище в доме на Джонсборо-роуд, недалеко от бульвара и федеральной тюрьмы. Там даже местные жители проверяют на светофорах двери своих машин, а народ, что ездит на работу из других мест, после наступления темноты обходит этот квартал стороной.

Я видела его на трехдюймовом экране: он сидел на рваном диване, закинув ноги на край деревянного журнального столика. Похоже, один. В правой руке пиво, левая лежит на коленях и частично скрыта из поля зрения. Ты что-то там прячешь, бугай?

Во влажном воздухе, над сладковатым, тошнотворным запахом мусора и кислятины пустых пивных банок, над крыльцом витал дрянной запах чего-то синтетического вроде суперклея и пенопласта.

Я сняла пистолет с предохранителя и постучала во входную дверь. Я собиралась задействовать свой лучший голос попавшей в беду женщины, готовясь сказать, что мне нужен телефон, или, что я проколола шину, да что угодно, лишь бы мне открыли дверь. Я не была уверена. Я научилась импровизировать с тех пор как стала работать одна.

Джонсон не колебался ни секунды. В свой крошечный окуляр я мельком увидела, как за секунду до того, как в двери рядом с моим ухом он проделал дыру размером с мяч для софтбола, у него на коленях что-то дернулось. Грохот выстрела был сродни пушечному. Дверь разлетелась в щепки, а я, слегка оглушенная, мигом соскочила с крыльца на более безопасную территорию.

Еще один выстрел. Передние окна как будто взорвались. Осколки разлетелись во все стороны, словно шрапнель. Я сжалась в комок рядом с крыльцом. Почувствовав на шее и руках уколы, поняла, что порезалась, но тут же приподнялась – на достаточную высоту, чтобы выстрелить в сторону переднего окна. В мои планы не входило его пристрелить. Лишь припугнуть, чтобы он слегка отступил...

Затем наступила тишина.

Пригнувшись, я поднялась по ступенькам крыльца и подобралась к двери. По-прежнему тихо. Я попыталась просунуть руку в дыру в двери, дотянуться до замка и отпереть ее. Вот тогда-то я услышала его. Дробовик. Проклятый помповый механизм. И если вы когда-нибудь слышали этот звук, то никогда его не забудете. Цевье скользит назад, одна гильза выбрасыва-

ется, другая входит в патронник, затвор защелкивается. Если у вас набита рука, это занимает доли секунды, а у Джонсона было предостаточно практики.

Я прижалась спиной к дому, вздохнула и мгновение выждала. В таких ситуациях быстрая проверка реальности никогда не бывает лишней. Неужели я и вправду хотела, чтобы в ходе поимки этого парня меня грохнули? Черт, нет, только не это. Но жажда адреналина одержала верх. Выброс адреналина, какой всегда случается в такие моменты, толкнул меня вперед, а не назад, что, возможно, наиболее наглядно иллюстрирует разницу между теми из нас, кто занимается подобными вещами, и нормальным населением.

Бум! Джонсон вновь выстрелил из дробовика. Я почувствовала это ногами. Примерно так же содрогается земля во время фейерверка. Вероятно, он сам делал себе патроны. Одному Богу известно, чем он стрелял в меня. Вылетел еще один кусок дверного полотна. Затем последовал треск очереди из автоматического оружия.

На счет три, сказала я себе...

Один... Два... Два с половиной... Две и три четверти. Твою мать! Три!

Я спрятала все, что у меня было, за одним из черных армейских ботинок, которые надеваю для таких случаев, и прицелилась в место прямо над ручкой входной двери. Расколотая и распахнутая, она уже не оказывала сопротивления. Я прижалась спиной к дому и стала ждать.

Тишина.

Сжимая обеими руками рукоятку «Глока», слыша, как в груди громко колотится сердце – так, что я чувствовала, как у воротника рубашки пульсируют вены, – я вышла из-за угла и оглядела переднюю комнату, гостиную, совмещенную со столовой. За ней были видны кухня и коридор. Я прикидывала, где тут место для двух спален и ванной. Прежде чем сделать шаг, какое-то время потопталась снаружи, считая двери и окна. Так где же он? В спальне? В коридоре?

Затем – хлоп, хлоп, хлоп. Я упала на пол, вкатилась в крошечную столовую и выпустила несколько пуль – на тот случай, если у него возникнут какие-либо мысли о том, чтобы найти меня.

– Я пристав! Взыскание залога, мистер Джонсон! Бросайте оружие и выходите с руками за головой. Немедленно!

– Цыпочка? – крикнул в ответ Джонсон и рассмеялся. – Даже не подумаю!

Затем я услышала, как открылась задняя дверь и хлопнула противомосkitная сетка на ней. Я бросилась на кухню: дверь была наполовину сорвана с петель, а дальше за ней в темноте подпрыгивали белые буквы на футболке Джонсона, бежавшего через задний двор к забору. Я метнулась во двор и не без удовлетворения наблюдала за тем, как Джонсон приближается к забору и калитке. Я оставила там кое-что на такой случай, что с моей стороны было весьма предусмотрительно.

Результат не заставил себя долго ждать. Это был крошечный дворик с забором из сетки-рабицы и подковообразным рычагом на калитке. Джонсон схватился за забор, и как только попытался перемахнуть через него, бело-голубая вспышка взрыва отбросила его назад. Просто немного черного пороха, небольшое количество вазелина, батарейка и пара проводов, плюс несколько фейерверков, чтобы остудить его прыть. На расстоянии пяти футов в ушах зазвенело. Пару секунд мне пришлось пробиваться сквозь миллион крошечных лампочек-вспышек.

Джонсон лежал неподвижно, как слизняк. Держа наготове «Глок», я осторожно приблизилась к нему и проверила его на предмет признаков жизни. Дыхание нормальное. Просто вырубился. Я вытащила из-под него его большие руки. Ладони были обожжены.

– Я не думала, что все будет так драматично, – сказала я его обмякшему телу, застегивая на запястьях наручники и продевая вокруг талии и через наручники ремень. – Просто я ни хрена не смыслю во взрывчатых веществах. – И перевернула его на спину.

Затем, держа в каждой руке по ботинку тринадцатого размера, я попыталась тащить его. Черт. Этот тип весил, по крайней мере, двести шестьдесят фунтов² и был тяжел, как камень. Я же – на цыпочках – ростом пять футов пять дюймов³ и вешу всего ничего, если не выпью достаточно воды. Я передвинула его дюйма на три, но потом сдалась. Можно было бы воспользоваться мобильником и вызвать на помощь полицию, но шутки про слабенькую девочку крутились бы потом в отделе еще несколько недель.

Я плюхнулась на землю и ткнула «Глоком» ему в ребра.

– Давай, Толстяк, просыпайся.

Он поднял веки и целую минуту смотрел в пустоту, прежде чем его взгляд обрел фокус.

– Привет, – весело сказала я и посветила фонариком в его налитые кровью карие глаза. Фонарик я держала на полицейский лад, над плечом возле лица. – Вспомнил меня?

Он сердито заизвивался, но как только понял, что его руки скованы за спиной, издал хрюкающие животные звуки.

– Что ты предпочитаешь? Сам доставишь свою толстую задницу к моей машине – или хочешь, чтобы я позвонила в полицию?

– Кто ты, если не легавая?

Я задумалась. Кстати, неплохой вопрос.

– Как только я это пойму, дам тебе знать, – пообещала я, вновь подтолкнула его, чтобы он встал на ноги. Увы, без помощи рук сделать это было крайне трудно. Я встала позади него и снова подтолкнула. – Ты когда-нибудь задумывался о диете?

– Тебе это нравится, сука, – заплетающимся языком пробормотал Джонсон; похоже, его слегка развезло. – Тебе нужен Антонио. Ты сама это знаешь.

О да, давай-давай. Ничто не сравнится со старым жирдяем с несколькими тюремными ходами.

– Хорошо, Толстяк. Давай мы с тобой прокатимся.

² 118 кг.

³ 165 см.

Глава 3

Старое здание универмага «Сирс Робак» – достопримечательность Атланты. В 1926 году его строительство заняло семь месяцев, и даже в свое время здание со сторожевой башней в центре больше походило на тюрьму, чем на средоточие розничной торговли. Два миллиона квадратных футов выцветшего на солнце кирпича раскинулись вглубь и вширь, возвышаясь своими девятью этажами над авеню Понсе-де-Леон на окраине Мидтауна. Здесь было невозможно остановиться для заправки, чтобы на вас не налетели местные уличные бомжи или у вас не стали вымогать деньги, прежде чем сюда нагрянут копы. В последние нескольких лет вывеска перед входом гласила: «Сити Холл Ист», и в настоящее время в здании размещается наша изрядно разбухшая бюрократия и часть внушительных полицейских сил Атланты. Это скоро будут менять. Мэр заключил с застройщиком сделку на сорок миллионов долларов. Парень пообещал ему, что за пару лет это будет самый популярный новый адрес в городе. Кондоминиумы, коворкинги для художников, рестораны... Вот так обстоят дела в Мидтауне, районе Атланты, где ландшафт постоянно меняется, а строительные леса – самое прибыльное дело. Городские власти живописали, где в конечном итоге окажутся нынешние жители, но, похоже, никто не торопился упаковать вещички и переехать. По крайней мере, не те копы, которых я знала лично.

В паре кварталов к востоку уже выстроилась очередь за завтраком в бесплатную общественную столовую. Температура на рассвете уже месяц не опускалась ниже семидесяти восьми градусов по Фаренгейту⁴. У нас была настоящая южная жара, но бездомные выстроились на завтрак, одетые в куртки. Должно быть, трудно согреться, когда твой дом пуст. Интересно, подумала я, как самый крутой новый адрес в этом городе будет уживаться с завсегдатаями бесплатных столовых.

Прибыв в участок вместе с Антонио Джонсоном, я увидела лейтенанта Аарона Раузера. Он наблюдал за мной из своего кабинета в отделе расследования убийств. К этому времени Джонсон окончательно оклемался: сыпал проклятиями, сопротивлялся, пытался устроить сцену, всячески выпендривался. В машине он вел себя смирно, тихо сидел на заднем сиденье, очухиваясь от наркоты и взрывчатки, но когда я позвонила по одному из стационарных телефонов Тайрону – я подрабатывала в его фирме «Квикбейл» – и сообщила ему, что сцапала Джонсона, этот подонок начал было качать права.

Пришедшие в конце смены полицейские покатывались со смеху.

– Привет, Кей, – с улыбкой сказал один. – Да, видок у тебя еще тот... Неужто ты позволила Толстяку надрать тебе задницу?

Я закатила глаза, передала Джонсона для снятия отпечатков пальцев, а затем стала ждать расписку, которая мне понадобится, чтобы получить у Тайрона денежки. Когда я нырнула в стеклянный кабинет Раузера в отделе расследования убийств, сидевшие в своих открытых кабинках детективы зачмокали губами, издавая звуки поцелуев. Наши с Раузером отношения были источником бесконечных приколов и шуточек. Не сомневаюсь, что мы производили впечатление маловероятной пары. Раузер белый и старше меня на двенадцать лет. Мы с ним исходим из разных миров. По отделу ходили слухи, будто мы любовники. Неправда. Но Аарон мой лучший друг.

– Доброе утро. – Я попыталась выглядеть бодрой, хотя голова у меня раскалывалась. У меня не было времени умыться, и я все еще выковыривала из предплечий осколки стекла и вытирала еще не запекшуюся кровь.

⁴ Примерно 26 градусов по Цельсию.

Раузер тоже выглядел хреново. Он указал на стол, где у Антонио Джонсона снимали отпечатки пальцев.

– Зачем тебе браться за такую дерьмовую работу?

– Деньги, – сказала я, но он явно не купился на мой ответ. Моей улыбки как не бывало, она слетела с моего лица. А все его тон. Иногда его было достаточно, чтобы надолго испортить мне настроение, и мне это не нравилось. И этот его укоризненный взгляд... Он вечно придирался ко мне, когда в его мире что-то было не так.

– Кей, ради бога. У тебя есть ученые степени и корпоративные счета. Зачем тебе эта хрень? Иногда я просто отказываюсь понимать, что движет тобою.

Я играла со стаканчиком для карандашей на его столе, отказываясь смотреть ему в глаза, что, по его мнению, означало, что я его не слушаю. Я это знала, но была не в настроении выслушивать его нравоучения в духе заботливого папочки.

Я быстренько мысленно пробежалась по списку корпоративных счетов, о которых он упомянул. Суммы там были приличные. Благодаря им я выплатила часть ипотеки за свой лофт. Но работа была донельзя нудной – проверка заявлений в службе занятости, биографические данные нянь, судебные иски на подрядчиков, компенсации работникам, неверные супруги, обслуживание судебного процесса... Время от времени повестка в суд вносила некое разнообразие, но по большей части все это было до смерти скучным.

После ухода из Бюро я была лицензированным приставом по взысканию залогов. Пока я создавала свой частный детективный бизнес, на эти деньги покупала продукты, и эта работа по-прежнему неплохо дополняла мой доход. Мой психиатр, доктор Шетти, говорит, что все дело в моем стремлении к власти, что у меня жестокий кейс зависти к пенису. Что я могу сказать? Мне нравится время от времени цеплять на себя здоровенный «Глок».

И степени: диплом по криминологии университета Южной Джорджии, аспирантура по психологии развития в университете штата Джорджия. И ничего из этого, даже после восьми лет работы в Бюро, не принесло бы мне реальной должности в правоохранительных органах. Не сейчас. Мой алкоголизм изменил все. Он вошел в мой послужной список, разрушил мою жизнь и навсегда дискредитировал в профессиональном плане. Я даже при самом большом желании не могла бы выступать в качестве свидетеля-эксперта. Экспертные показания требуют репутацию, которую невозможно дискредитировать в зале суда. Но это не про меня. Мой личный шкаф полон скелетов.

Мне было пятнадцать, когда я впервые услышала про Отдел поведенческого анализа (ОПА) в Национальном центре анализа насильственных преступлений. После этого я не могла думать ни о чем другом. Я адаптировала свою учебу и свою жизнь так, чтобы попасть туда, – и спустя несколько лет я там оказалась. А потом все профукала. Иногда у вас есть только один шанс.

Иногда это даже хорошо. Когда дверь захлопывается перед чем-то, без чего вы не можете жить, вот тогда-то и начинается настоящее образование. Вы должны решить для себя, как примириться со всем этим, как обустроить свою жизнь. В конце концов, копать глубже никогда не бывает лишним, но пока это происходит, копание не раз выйдет вам боком.

– Продолжай якшаться с отбросами из сомнительных фирмочек, но только потом не жалуйся, – проворчал Раузер, а затем пробормотал что-то похожее на «больные убудки».

Я осторожно опустилась на стул напротив него. Их было два – черные виниловые подушки с металлическими подлокотниками и ножками. Я сильно ушиблась при падении, и боль постепенно давала о себе знать.

– В чем дело? – спросила я.

Раузер вытащил из кармана рубашки сигарету и сунул ее в уголок рта. Его зажигалка дала пламя лишь с третьей попытки. По идее, в помещении курить было нельзя, но я не стала делать ему замечание. Только не сегодня.

– Помнишь, когда-то происходили самые обычные вещи? Кто-то застрелил парня в постели с женой или что-то в этом роде... Никаких тебе извращений. Просто рядовое повседневное убийство.

– Меня тогда еще здесь не было.

Раузер выдвинул ящик стола, положил сигарету в потайную пепельницу, опустил голову и помассировал виски. Впервые я заметила, что в его волосах больше серебра, нежели черного дегтя. Ему было почти пятьдесят, красивый подтянутый мужик, но жизнь на кофеине и сигаретах, жизнь, прошедшая в погоне за монстрами, превратила его в пепел.

– Плохой случай? – спросила я.

Раузер даже не посмотрел в мою сторону.

– Это еще мягко сказано.

– Ничего, справишься, – сказала я ему. – Победа всегда достается хорошим парням, верно?

– Угу, – сказал Раузер примерно с той же убежденностью, что и Билл Клинтон при даче тех самых показаний. – И сама судья Джуди явится сюда и потрясет жопой и для нас тоже.

– Лично я не против, – сказала я, и Раузер впервые за сегодняшний день удостоил меня улыбкой.

Глава 4

KNIFEPLAY.COM

Блоги вашего интернет-сообщества для взрослых Edge Fetish & Knife Play > По ту сторону Лезвия, фантазия пользователя BladeDriver, название блога > Краснокочанная капуста

Я впервые так близко к ней, хотя мне случалось видеть ее много раз. А она видела меня. Было ли это сознательно, я не уверен, но ее глаза скользили по мне в общественных местах. Я стоял на ее крыльце, ожидая, когда она откроет дверь. Мне не нужно было ждать. Она даже не защелкнула противомоскитную сетку. Вам всем так безопасно в ваших крошечных домиках, продолжал думать я, и мне пришла на ум старая песня. «Маленькие коробочки на склоне холма, маленькие коробочки из тонкой фанеры... и все на вид одинаковые...»⁵

Она подошла к двери – в бледно-голубой хлопчатобумажной рубашке, с кухонным полотенцем в руке, на ее лбу поблескивал пот. Она жестом пригласила меня следовать за ней. В открытые окна с улицы врвался горячий ветер. Она отвела меня к себе на кухню и предложила стул за своим столом. Она готовит рано, пока еще не слишком жарко. Кондиционера в доме нет. Духотища жуткая. Когда мы вошли в комнату, от вони вареной капусты я чуть не блеванул. Столешницы пластиковые, немодные, ядовито-желтого цвета. Она болтала о своем сыне – в тот день он возвращался домой из летнего лагеря, – а я все время думал о том, как она будет вонять, когда химические реакции начнут свое дикое действие.

– Мой сын вечно голоден, – сказала она и улыбнулась мне, как будто голод – это так мило. В общем, кудахтанье наседки. – Я рада, что вы здесь. Я даже не надеялась, что это будет сегодня.

Я не сказал ей, почему я там. Не хотел портить сюрприз. Глупая корова улыбалась мне и тыльной стороной руки откидывала со лба потные волосы. Я думал о ее коже, о том, какая она теплая, представлял ее текстуру, солоноватый вкус, сопротивление моим зубам, когда я буду вгрызаться в нее.

Она предложила мне чай со льдом и поставила его передо мной. Со стакана капли сползали на столешницу. Я не убрал рук с колен, не дотронулся до стакана. Я ничего не трогаю. Я невидимка. Мой портфель на столе открыт в другую сторону от нее. Она стояла у плиты, помешивая кастрюлю с краснокочанной капустой.

– Как вы думаете, маленький Тим мог бы пожить с вашей сестрой? – спросил я. Не устоял перед желанием немного поиграть. Эти вещи проходят слишком быстро.

Она отвернулась от плиты.

– Мой сын живет со мной. Я ничего не понимаю.

Поймешь.

По ее лицу промелькнула легкая тень, некая настороженность. Взгляд переместился с портфеля на мое лицо, на руки, которые я держал на коленях, на кухонную дверь, и в ее темных глазах вспыхнула тревога. Что-то царапало ее изнутри, вызвало, умоляло о внимании. Некий тихий голос предостерегал ее, чтобы она уходила, но она не собиралась его слушать. Они никогда не слушают. Что, согласитесь, полный абсурд. Они не хотят обидеть меня. А что, если они ошибаются? Это было бы так невежливо...

Я закрыл глаза и вздохнул. Помимо еды и жары, я наконец уловил его, луковый запах страха, ее и моего, тяжело повисший в нашем общем воздухе. Он ударил меня, словно электрический ток. Химические вещества в наших телах зашкаливали, кортизол практически вытекал через наши поры. Мое сердце и мои надежды стонали при мысли о том, что будет дальше. Я

⁵ «Маленькие коробочки» – песня американского певца Пита Сигера о стандартизации американской жизни.

ощутил между ног глубокую, настойчивую боль. Я видел только ее, эту маленькую женщину. Я обонял только ее. Только ее хотел. Она была всем.

Я натянул тонкие хирургические перчатки, такие прозрачные, что я почти чувствовал теплыми пальцами воздух, и достал из портфеля свою любимую игрушку – с атласным напылением, горлышком из белого золота, и горбатой спинкой, плюс четыре с половиной дюйма углеродистой стали.

Она стояла там, помешивая капусту, а я смотрел на ее узкую спину и задавался вопросом, чувствует ли она уже нашу связь. Мне хотелось, чтобы она ее почувствовала, чтобы узнала, всего за мгновение до того, как ее коснется моя рука. Думаю, она уже чувствовала. Думаю, она этого хотела.

* * *

Район пафосный, он находится между Вирджиния-Хайлендс в Атланте и хипстерским Литл-Файв-Пойнтс. Мое крошечное детективное агентство расположено в здании, что некогда было вереницей заброшенных складов в Хайлендс. Пару лет назад владелец решил обновить фасады, добавил козырьки и навесы из алюминия и матового никеля, устроил крытый переход в ярком стиле Майами, плюс установил несколько металлических скульптур. Впечатление такое, будто некий сумасшедший сварщик перед работой где-то раздобыл крэк.

Теперь это называется студиями и продается как коммерческие лофты. Наш арендодатель вздернул арендную плату нынешним съемщикам – мне, труппе гей-театра по соседству, татуировщику и мастеру по пирсингу рядом с ними, и парикмахерше-индианке в самом конце коридора. Нам сказали, что реновация принесет нам больше клиентов. К нам станут чаще заглядывать, ведь нами обязательно заинтересуются посетители соседнего кафе, любители кофе и бискотти. Ненавижу бискотти. Не люблю от слова совсем. Серьезно. Кто-нибудь когда-нибудь испытывал неумолимую тягу к бискотти? И эти зеваки... Ненавижу их. Обычно это полные фрики. Здравомыслящие люди не ищут детектива в витринах. Это не тот вид бизнеса.

Но я люблю этот район. Когда театральная труппа репетирует, я ловлю себя на том, что весь день напеваю мелодии из спектакля, а когда работаю допоздна, иногда прохожу мимо людей в костюмах, когда вхожу или выхожу. Они бегают туда-сюда, болтают, курят. Вчера вечером женщина в костюме русалки смотрела, как я вхожу. Во рту у нее была сигара, и она щурилась сквозь дым, но ничего не сказала. Я тоже. Да и что можно сказать русалке-лесби? Доска для объявлений на мольберте возвещала о генеральной репетиции «Головорезов».

Через две двери от меня парикмахерская работает тихо и в обычные рабочие часы. Хозяйка терпеть не может такие слова, как «парикмахер», или, не дай бог, «косметолог», и дает всем понять, что лично она предпочитает название «художник по прическам». Кроме того, недавно ее гуру дал ей новое духовное имя, и она была бы очень признательна своим соседям, если те будут называть ее именно так, и никак иначе. Мы пытаемся так поступать, хотя, перейдя от простой Мэри к Лакшми, время от времени слегка коверкаем его. Это имя означает нечто вроде «Богиня процветания», и все соседи страшно надеются, что это реально, и что удача наконец-то улыбнулась нам.

Я расположилась в Студии А, и небольшая табличка на моей двери гласит: «КОРПОРАТИВНЫЙ СЫСК И РАССЛЕДОВАНИЯ». Внутри офиса компьютеры, принтеры, парочка старых аппаратов факсимильной связи, люминесцентные лампы и огромный кондиционер. Вместе они постоянно наполняют это место чем-то вроде электронного мурлыканья. Когда закрываю вечером глаза, я иногда слышу в голове это гудение.

Я учредила свою контору пару лет назад, сразу после того как вышла из реабилитационного центра, постоянно прищуриваясь, словно три месяца прожила в пещере. Я искала хоть что-то, что угодно, любую работу, лишь бы занять себя. Я не хотела возвращаться туда. Кто-

то спросил, была ли это моя первая реабилитация. Помню, как я посмотрела на него, с отвисшей челюстью, и подумала: «А что, одного раза разве недостаточно?» Но сейчас я это хорошо понимаю. Снаружи все не так. Вас никто не поддерживает, никто не оберегает. Никакой страховочной сетки. А в сутках слишком много часов. Час за часом вы остаетесь лицом к лицу с вашими вопиющими слабостями.

В те первые дни на свободе я ходила на собрания по всему городу. Иногда в течение дня просто уходишь с одного и топаешь на другое. Как же я их ненавидела! Меня просто достали все их разговоры про Бога в «Анонимных алкоголиках». Знаю, знаю. По их словам, это любой Бог, какого вы себе выберете, но скажу одну вещь: когда вы там и все хотят держаться за руки и молиться, согласитесь, это не слишком похоже на выбор. А еще они вечно ведут разговоры о бухле, отчего мне всегда жутко хотелось выпить. Но там у них пить нельзя, и в этом вся фишка – по крайней мере, для меня. Эти встречи и эти люди, над которыми я чувствовала превосходство и временами презирала их за их слабости и за их доброту, терпеливо и сознательно мирились с моими закидонами и, по сути, спасли мне жизнь, несмотря на мое говенное к ним отношение. И тогда я вышла в широкий мир, чтобы заняться бизнесом, а не возвращаться в магазин на углу.

Моя фирмочка не давала мне скучать, и дела пошли в гору. Мы оказывали традиционные следственные услуги, занимались поиском лиц, пропавших без вести, и беглых должников, осуществляли проверку помещений на предмет подслушивающих устройств, ловили беглецов от правосудия и время от времени оказывали услуги, не входящие в перечень официально рекламируемых.

– Денвер, – усмехнулся Нил. – Мы застучали его. Он купил там дом.

Нил – блондин, обычно слегка лохматый и, как минимум, с однодневной щетиной на подбородке. Он сидел перед экраном компьютера, кубинская рубашка расстегнута до пупа. Нил всегда казался мне слегка не на своем месте в городе без пляжа, где можно было бы весь день бездельничать. Я наклонилась над ним, чтобы взглянуть на экран: от него пахло кофе и «травкой», его личным спидболом.

Например, по просьбе крупной корпорации со штаб-квартирой в Атланте мы пытались обнаружить местонахождение бухгалтера, который скрылся из города с содержимым корпоративного сейфа, в том числе с горой наличности. Компания не хотела предъявлять официальные обвинения, и, насколько я понимаю, там предпочитали уладить дело по-тихому: просто найдите бухгалтера и сообщите нам, где он. Я не спрашивала, почему. Что-то в этом сейфе, очевидно, стоило того, чтобы его вернуть, но что именно – это меня не касалось. Мои дни в правоохранительных органах остались в прошлом.

– Чувак срысает пятьсот кусков, – сказал Нил и заправил свои длинные светлые волосы за уши. – И едет в Денвер? Это надо же!

Нил был первым, кому я позвонила, когда у меня родилась идея своего детективного агентства. Мне был нужен его опыт. Он прекрасно шарит в компьютерах. И из тех чуваков, что учились в старшей школе с запертой дверью в спальню, с компьютером на коленях, под веществами и подростковым желанием ниспровергать все на свете. По сути, Нил – хакер, чрезвычайно успешный хакер, который попал в список киберпреступников ФБР, а затем работал у них консультантом. Он на зарплате у нескольких гигантских корпораций: будучи не в силах его одолеть, они наняли его в качестве эксперта по безопасности. Нилу платят за то, чтобы он их не взламывал. Это делает его чистой воды вымогателем. Но его всегда хорошо иметь рядом, не так ли? И работает он задешево. Деньги ему не особо нужны – он делает это, потому что ему это нравится. Но нравится ему это только тогда, когда он сам себе хозяин. Значит, он работает, когда хочет работать, и на своих условиях. С этим у меня проблем нет. Нил – ценное приобретение, и большую часть времени мы с ним отлично ладим.

Он отвернулся от монитора и впервые за это утро посмотрел на меня. Я была в шортах-карго, в рубашке с закатанными по локти рукавами и вся в царапинах после моего не совсем удачного ночного приключения по принудительному исполнению залога. Нил отхлебнул кофе и бросил на меня внимательный взгляд.

– Ты собираешься поехать за этим парнем в Денвер?

Я покачала головой.

– Я просто хочу, чтобы мне заплатили.

– Ставлю десять баксов на то, что они хотят, чтобы ты поехала туда и заполучила то, что он взял из их сейфа. Готов на что угодно спорить, что дело тут вовсе не в деньгах. Не иначе как они подделывают бухгалтерские книги или фальсифицируют ставки. Или же это какие-то секс-видео.

Я тоже думала об этом.

– Все равно не катит.

Он улыбнулся и сквозь светлые ресницы посмотрел на меня налитыми кровью глазами.

– Боишься сломать ноготь?

– Ты так точно боишься, но кто такая я? – выпалила я в ответ.

Нил, похоже, на мгновение утратил дар речи.

– Трусливая кошка, – парировал он, и наш день начался с детских обзывалок, что было нашим излюбленным занятием.

Снаружи донеслось «хуга-хуга». Через несколько мгновений дверь распахнулась, и в наш офис, ухмыляясь, вошел Чарли Рэмси. Нил посмотрел на меня и улыбнулся. Мы работаем по предварительной записи. Постоянных посетителей немного, только Чарли, Раузер и моя подруга Дайана, которую я знаю со школы. Чарли неизменно возвещал о своем приезде, гудя клаксоном на руле велосипеда. Он работает велокурьером, и, насколько я могу судить, у него интеллект двенадцатилетнего подростка, что делало его весьма подходящим для нас. Мы используем приходы Чарли как повод забить на работу. Что приятно для всех.

В округе ходило немало историй о том, как Чарли в сорок с хвостиком лет оказался на велосипеде с клаксоном. Все они – вариации одной и той же темы: идеальная работа, отличная семья, не жизнь, а сказка, пока на перекрестке Десятой улицы и Пичтри-стрит его не сбил бронированный банковский грузовик и навсегда сделал его инвалидом. Жена и дети бросили его, сам Чарли потерял карьеру и дом. Как-то раз он сказал мне, что у него сильно болит шея, а еще его мучают головные боли, от которых он готов лезть на стенку. У него также проблемы с речью. Когда он взволнован, начинает говорить невнятно и очень громко, а если учесть, что Чарли вечно в велосипедном шлеме, который сидит немного криво, и вы вынуждены кричать ему на ухо, разговор с ним может выглядеть ну, скажем, слегка сюрреалистично. У него случаются моменты взрослой ясности ума, но они мимолетны. Большую часть времени Чарли просто большой глупый ребенок. Однажды я спросила о его прошлом. Он рассказал об аварии. Говорил лишь о том, что было после аварии, но ни разу о том, что было до нее. Как будто до этого просто ничего не было. В тот редкий и серьезный момент Чарли сказал мне, что следующая секунда вашей жизни способна изменить все. Он провел несколько месяцев в реабилитационном центре Шеперд в Атланте и узнал, что тамошние пациенты называли нас, тех, кто снаружи, ВД – временно дееспособными. Еще одно напоминание о том, что жизнь изменчива. Этот урок я усвоила еще до того, как Чарли ворвался в нашу жизнь, но я никогда не забуду его серьезность в тот день. Мы не видели его пару недель и всегда беспокоимся за него. Чарли целыми днями крутит педали на своем велике, пробираясь сквозь коварные дорожные пробки Атланты, и, поскольку у него якобы только половина головного мозга, он похож на бомбу замедленного действия. Раузер и Нил заключили пари на десять баксов, что он попадет в аварию уже в этом году и так далее. Я делаю вид, что я выше всего этого.

Чарли приезжает в разное время, тут особо не на что рассчитывать, поздним утром или ближе к вечеру, но обычно несколько раз в неделю, всегда улыбаясь и редко без подарка. Летом это может быть поношенная бейсболка, полная ежевики. Зимой он сажает в кашпо у нашей входной двери анютины глазки. В двух кварталах отсюда есть питомник, и мы думаем, что Чарли щиплет цветы ночью, когда единственная преграда между ним и грядками ярких анютиных глазок – это пять футов сетчатого забора. Похоже, ему нравятся желтые с темно-фиолетовыми глазами, те самые, что по совпадению, вечно в дефиците на длинных деревянных столах питомника.

Он вошел, улыбаясь, в маленьком шлеме, скособоленном на макушке, и в очках в толстой оправе, которые он носит, подтолкнув их до самых бровей. На нем была форма курьера – шорты, футболка с вышитой на ней эмблемой, короткие белые носки. Тело худощавое и сильное. Мускулы на ногах говорили о том, что Чарли своего рода спортсмен. Но то, как он держал голову, как время от времени подергивался, как временами смотрел, разинув рот, на что-то, что, видимо, приковывало его внимание, все это наводило на мысль о том, что с бедным Чарли что-то очень даже не так.

Он протянул свою перевернутую бейсболку и произнес:

– Фиги. – Слишком громко, но зато так невнятно, что это прозвучало, скорее, как «флики». – Ты любишь флики, Кей? Нил, тебе они нравятся?

– Свежие флики? – спросил Нил. – Круто. Где ты их стибрил?

Чарли указал на дверь.

– С гребаного дерева, – сказал он, явно довольный собой. Нил расхохотался и одобрительно похлопал в ладоши. Он усердно учил Чарли ругаться.

Я укоризненно посмотрела на Нила.

– У моих родителей во дворе растет фиговое дерево, Чарли, – сказала я. – Хочешь посмотреть, как они их едят? – Я открыла холодильник и нашла упаковку итальянского сливочного сыра. Мы с Нилом ели его со всем, что у нас было – от побегов сельдерея до бутербродов. – Ты умеешь обращаться с ножом, Чарли? Можешь разрезать их пополам?

Чарли кивнул.

– Я умею ножом чистить рыбу.

– Вот это да, – сказала я и натерла на маскарпоне чуточку апельсиновой цедры, а затем добавила немного меда. Чарли осторожно окунул чайную ложку в мед и капнул на каждую фигу, как и следовало. Я последовала его примеру, но только взяв примерно вдвое меньше шоколадно-ореховой пасты. Мы на секунду застыли на месте, любуясь нашим кулинарным шедевром.

– Черт, как же красиво! – сказал Чарли.

– Обещаю, они тебе понравятся, – сказала я.

– Ты держишь свои обещания, Кей? – спросил Чарли и сунул в рот фигу.

Я задумалась.

– Не всегда, Чарли. Но сейчас я стараюсь.

Нил налил себе новую кружку кофе и присоединился к нам за столом. Чарли потянулся к тарелке и взял еще одну фигу.

– До чего же хороши! А почему тебя зовут Кей?

– Имя моего деда было Кей.

– Но у тебя нет семьи.

Не помню, чтобы я когда-нибудь рассказывала Чарли о своем детстве, но зато я вспомнила тот день, когда мне хватило смелости спросить о его прошлом. Возможно, я тогда что-то сказала.

– У меня есть семья. Просто ее не было с самого начала. Семья, которая у меня есть сейчас, не стала менять мое имя.

– Это хорошо. Это хорошее имя, – пробормотал Чарли и предплечьем вытер с уголка рта сливочный сыр и шоколад. – К тому же это все, что у тебя было твоим, верно?

Я потянулась через стол и положила руку на руку Чарли.

– Ты довольно толковый парень. Ты это знаешь?

– Ага, – ответил он. – Я очень быстро чищу рыбу.

Глава 5

Дверь открылась, и по лучу утреннего света внутрь вошел лейтенант Аарон Раузер – и чуть не столкнулся с Чарли.

– Чарли, как дела? – спросил он и поднял руку. Чарли слишком громко рассмеялся и дал Раузеру «пятюню».

– Мне пора на работу, мистер Мэн. Кстати, Кей умеет готовить, – добавил он и ушел без дальнейших объяснений.

– Понятно, – сказал Раузер, а затем полупшепотом добавил: – Даже не верится, что он занимался чем-то биомедицинским. Бедняга...

– Я слышал, будто он инженер, но никогда в это не верил, – сказал Нил и выплянул наружу, чтобы убедиться, что Чарли ушел. – Просто считал его умственно отсталым.

Раузер усмехнулся, а я сказала:

– Невероятная бестактность, даже для вас двоих.

– Как угодно, – сказал Нил и вернулся с кружкой к своему столу.

Раузер направился на кухню, где у нас почти всегда был свежий кофе. Нил практически живет на нем. А иногда, когда у него поистине щедрое настроение, он готовит нам с Раузером капучино. Сам Нил предпочитает по утрам что-нибудь темное, в основном «Кафе Бустело». Днем зимой он любит приятный и мягкий «Ямайский голубой», а в жаркие летние дни – кубинский холодного отжима со льдом, сливками и сахаром. Он прерывает меня, когда моя нога начинает трястись.

Но Раузер здесь сегодня по иной причине. У него явно что-то на уме. Мне было видно, как он, размешивая сливки в кофе, задумчиво жевал нижнюю губу. Он хорошо выглядел без куртки: наплечная кобура поверх черной футболки, бицепсы плотно обтянуты короткими рукавами, серые брюки. Пока он не смотрел, я воспользовался моментом, чтобы полюбоваться им. У Раузера было, так сказать, несколько неровностей во внешности, но в целом он красивый парень, если вас устраивает зашкаливающий уровень тестостерона. Он из тех мужиков, которые каждое утро вынуждены бриться до самых ключиц. Он, скорее, Томми Ли Джонс, чем Ричард Гир; скорее, Джейк Джилленхол, чем Брэд Питт.

Кухня, где стоял Раузер, на самом деле была просто уголком переоборудованного склада, со всей необходимой техникой, раковиной, столешницами из красного мрамора, без стен и перегородок. Увидев на столе пару оставшихся фиг, он взглянул на меня в поисках одобрения, а затем смел их с тарелки и закинул в рот. Яростное пристрастие к сладкому было лишь одной из наших общих черт.

По всему широкому открытому пространству сразу за кухней были стратегически расставлены большие пухлые кожаные банкетки, а также кожаные кубы ярких цветов – красный, фиолетовый, мятно-зеленый, красный, фиолетовый. Большая часть основного пространства была окрашена в очень светлый цвет шалфея, но самая длинная и самая открытая стена была ярко-голубой и прорезана по центру контрастной яблочно-зеленой линией, не то вспышкой молнии, не то монитором ЭКГ. Я передала свои права на внутреннюю отделку помещения местному дизайнеру, основываясь исключительно на ее репутации в городе – решение, разумность которого я позже поставила под сомнение.

– Все, что нам нужно, это гребаный фиолетовый динозавр! – выпалила я, впервые увидев наш новый коммерческий лофт.

Стоя руки в боки, дизайнер и ее подчиненные, благоговейно выстроившиеся позади нее, весьма подробно и сквозь стиснутые зубы объяснили мне, как будто я была инвалидом, сколь утонченным и сколь выразительным стало пространство. Разумеется. Я поняла. Я способна оценить драму. Да, я заплатила хорошие деньги, чтобы она втянула нас в двадцать первый век,

и, ей-богу, постараюсь полюбить это. Изюминкой для меня стал широкий плазменный телевизор с плоским экраном, который по требованию опускался из-под стропил. Это каждый раз приводило меня в восторг. Нил, Раузер, я, Дайана, даже Чарли время от времени, мы все проводили здесь вечера, рубились в компьютерные игры, смотрели фильмы или играли в настольный футбол на столе, который мы с Нилом заказали, а затем заплатили кому-то еще, чтобы его собрали. Из-за конкурирующих идей по сборке вспыхнули две стычки, прежде чем до нас дошло, что мы не готовы к этому проекту. Чертова штукавина состояла как минимум из пяти-сот кусочков.

Раузер подошел к нам, дуя на кофе, чтобы его остудить, и глядя на нас из-под вопросительно поднятых бровей. Мы с Нилом шутили над чем-то глупым, и, похоже, это его раздражало.

– Эй, – произнес он достаточно громко, чтобы мы его услышали. – Интеллектуальная стимуляция, вот зачем я здесь.

– Зачем ты пришел? – с ухмылкой спросил Нил.

Раузер не полез за словом в карман:

– Пришел посмотреть, сосешь ли ты член так же хорошо, как варишь кофе.

– Тебе виднее, – сказал Нил, не глядя на Раузера. Его взгляд был прикован к экрану компьютера, который представлял собой мешанину стремительно сменяющих друг друга букв, символов и цифр. Насколько я могла судить, Нил взламывал сайт ЦРУ. Он уже проделывал это и раньше – например, изменил их логотип, заменив слово «Разведывательное» на другое, которое ему нравилось больше.

Нил развернул стул, скрестил руки на груди и напряженно посмотрел на Раузера.

– Кстати, сегодня утром я добавил в кофе слабый галлюциноген.

Похоже, что Нил и Раузер вечно пребывали в некоем соревновании. Мое присутствие только усугубило ситуацию, решила я, и поэтому, не дожидаясь, когда все перерастет в царапание и плевки, вернулась к себе в кабинет. У меня была работа, но Раузер увязался за мной по пятам.

Он последовал за мной в дальний левый угол склада, который служит моим офисом. Тут не уединишься, тут нет ни стеклянных перегородок, ни стен. Это было бы слишком просто. Вместо этого дизайнерская фирма просто возвела огромный проволочный забор – что-то вроде увеличенной версии колючей проволоки высотой около десяти футов. Этакая колючая проволока на стероидах с темно-синей подсветкой, что-то вроде вычурного Восточного Берлина времен холодной войны. Смотрится совсем по-другому и, следует признать, по-своему красиво, в угрюмом антикорпоративно-корпоративном ключе.

Раузер шлепнул свой старинный кожаный портфель на край моего стола и, немного повозившись с одной из медных защелок, открыл его. Я улыбалась ему и его потрепанному портфелю. Нижние углы были истерты до белизны, а замысловатый кожаный орнамент снаружи слишком выцвел, и было невозможно понять, каков был первоначальный замысел художника. Что не давало мне покоя. Вот такой он парень, этот Раузер. Управление полиции предложило ему новую машину, но ему нравился его старый седан «Краун Вик». «Раузер, – в свое время сказала я ему, – у этой машины магнитола “Стерео-8”⁶. Ты вообще о чем думаешь?» Он лишь пожал плечами и пробормотал что-то о том, что боится вычищать бардачок, оконные карманы и прочие места, по которым распахивал записки, карту, бумаги, сигареты и прочий хлам.

Раузер достал из портфеля стопку фотографий и бросил их передо мной. Она упали с громким стуком. Без всякого предупреждения. Мне только что швырнули снимки с места преступления. Смерть на моем столе. Моя улыбка и мое доброе настроение мгновенно улетучилось.

⁶ Т. е. очень старая модель, популярная в 1960–70 гг.

– Мамаша-домохозяйка, – пояснил Раузер, когда я взяла в руку фото и тихонько вздохнула. – Самая обыкновенная. Понимаешь, что я имею в виду?

Он опустился в кресло напротив меня. Внезапно мой желудок словно наполнился гранитом.

Я перевернула верхнее фото, прочла дату и имя, возраст на момент смерти, этническую принадлежность. Лэй Кото, азиатка, тридцать три года. Лежит животом на окровавленном кухонном полу. В верхнем правом углу снимка виден край духовки. Ноги раздвинуты, ягодицы и внутренняя поверхность бедер обнажены и окровавлены. Множество колотых ран и следов укусов. Лежа на кухне, она выглядела такой маленькой и такой одинокой, подумала я – и, как всегда, поразила тому, какая одинокая вещь смерть и насколько резки, сюрреалистичны, беспристрастны снимки сцены насильственного убийства. Они одновременно искажают и подчеркивают раны и синяки, жутковато подсвеченные яркими лампами, какими пользуются криминалисты, всю эту кровь и спутанные волосы, неестественные позы, вопиющее отсутствие жизни. Даже с первого взгляда, до того как проявятся детали, вы понимаете, что это сцена смерти. Такое не забывается.

– Кто ее нашел? – спросила я.

– Десятилетний ребенок, – ответил Раузер. Я оторвала от снимков глаза, и он добавил: – Ее сын. Его зовут Тим.

Это изменит его, подумала я. Изменит его взгляд на мир, на незнакомцев, на пятно крови, на пустой дом. Это изменит маленького мальчика, как когда-то изменило меня. Мы все так или иначе изуродованы горем, которое убийство всегда оставляет после себя. Я не хотела думать об этом ребенке или о том, что он чувствовал или что будет чувствовать. Интерес к такого рода вещам приглашает тьму просочиться в вашу жизнь. И даже зная это, я болела за него. Часть меня хотела помочь собрать его заново, предупредить о возможных кошмарах, о назойливых мыслях, которые не заставят себя ждать. Никто на самом деле толком не знает, что делать с ребенком, утратившим дом в результате насилия. Заберут ли его родственники? Полиция будет гадать вслух, бездумно и с самыми лучшими намерениями. Взрослые будут шептаться, беспокоиться, бросать на него озабоченные взгляды, десятикратно увеличивая его ужас. И пока будут искать его ближайших родственников, к нему будет приходить чужой человек из социальных служб, чтобы посидеть с ним. Но никакие заверения, никакая доброта не способны заполнить эту ужасную брешь в его мире. На это уйдут годы.

Фотографии с места убийства дрожали в моих руках.

– Зачем ты мне это показываешь?

Раузер вручил мне письмо, адресованное ему в отдел расследования убийств, аккуратно напечатанное и без подписи. Я секунду вопросительно смотрела на него, прежде чем начать читать. При этом он не сводил с меня глаз.

Дорогой лейтенант!

Хотите знать, как я это сделал?.. Нет, ваши судмедэксперты уже это определили. Вас смущают подробности? У меня такие яркие воспоминания о том, как я стоял на ее крыльце и принимался к запахам ее маленькой кухни... Она с улыбкой открыла мне дверь.

Я знаю, о чем вы думаете, лейтенант, но вы не найдете и следа, оставленного мною в ее жизни. Я не входил в ее ближайшее окружение. Она умерла, не зная, кто я. Она умерла, спрашивая, ПОЧЕМУ? Все они хотят покоя посреди хаоса. Их хаоса, не моего. Я не говорю им. Я здесь не для того, чтобы утешать их.

Газеты окрестили меня чудовищем. Думаю, вы знаете лучше. Что вам сказали ваши профайлеры? Что я умен, способен сливаться с внешним миром и сексуально активен?.. Жаль, что их методы не предлагают вам лучших мерок для меня.

Вы утаили от газет определенную информацию о местах преступлений. Знаете ли вы, что их постоянные и неверные предположения вынуждают меня ответить им? И что ваш опыт говорит вам об этом письме, об этом новом инструменте вашего расследования? Вы сделали вывод, что я не только хвастун, но и садист, или же что у меня глубокая неискоренимая потребность быть пойманным и наказанным. И вы наверняка задаетесь вопросом, действительно ли я тот, кого вы ищете. Мне вас убедить?

В десять утра день был жарким, и воздух на кухне был тяжелым и влажным из-за кастрюли с вареной капустой. Стоя у стола и глядя на женщину, лежащую на полу, я чувствовал ветерок из открытого окна. К тому моменту, когда я перевернул ее, чтобы оставить отпечатки, она лежала тихо и неподвижно, и казалась такой крошечной... Последним звуком, который она услышала сквозь собственное хныканье, был щелчок моего фотоаппарата и тихий треск ее шеи. Так треснул сломанная пополам грудная куриная косточка...

Глава 6

– Он сломал ей шею, – тихо сказала я и откинулась на спинку стула. Я держала в руке фотографию Лэй Кото, скрюченной и окровавленной, на полу ее кухни. Голова была повернута слишком далеко влево, что выглядело крайне неестественно.

– Причина смерти, – ответил Раузер. – Упоминание грудной косточки. Что ты об этом думаешь?

Я пробилась сквозь мешанину эмоций. Я пробилась сквозь нее, как делала это всегда, и, найдя свое тренированное «я», свое отстраненное «я», ответила:

– Власть, доминирование, манипулирование жертвой, телом жертвы.

– Письмо точно во всех деталях, вплоть до капусты на плите. Мы не сообщали прессе причину смерти или какие-либо детали о месте убийства. Оригинал в лаборатории. Надеюсь, он оставил отпечаток или лизнул конверт, или что-то в этом роде. Пока что у нас не так много вещдоков.

– У тебя есть письмо от убийцы. Тебе не каждый день вручают такие поведенческие доказательства.

Раузер кивнул.

– Это не тот случай, Кей. Мотив непонятен. Сцена непонятна. Вещдоков практически нет. Для нас единственный способ выйти на этого типа – понять, что за спектакль он разыгрывает с жертвой.

Где-то глубоко внутри меня взвыла похожая на писк сирена. Я ощутила знакомый порыв – распутать патологию, своими глазами взглянуть на жестокие действия безжалостного преступника, продвинуться на шаг вперед. Да, это другое, подумала я, чувствуя, как по моему телу пронесся адреналин. Мои ладони вспотели. *Всем им хочется покоя посреди хаоса...*

– Она была не первой, – услышала я свой голос, обращенный к Раузеру. Да, это было нечто другое. Убийца не просто какой-то авантюрист, не бандит с улицы, а нечто другое, жестокое и голодное; он замышляет свои действия и питается страхом и страданием.

– Четыре жертвы, о которых нам известно. – Серые глаза Раузера были холодны, как зимний дождь. – ПЗНП⁷ установил между ними связь. Несколько месяцев назад детектив во Флориде получил задание расследовать нераскрытые дела и начал заносить старые убийства в базу данных. В ПЗНП сопоставили два тамошних и одно здешнее, в северном пригороде. Затем флаги взвились снова, когда две недели назад мы вошли в дом, где была убита Кото. В этом нет сомнений. Тот же «модус операнди». Тот же почерк – позиционирование, множественные ножевые ранения, постановка, отсутствие вещественных доказательств. При этом жертвы всегда лежат лицом вниз, ноги расставлены, прижизненные колющие раны в разные области тела и посмертные ножевые ранения в определенные области, внутреннюю и внешнюю часть бедер, ягодицы и нижнюю часть спины. Следы укусов на внутренней поверхности бедер, плечах, шее и ягодицах. Одно и то же оружие: зазубренное лезвие, что-то вроде рыболовного ножа, четыре-пять дюймов в длину. Следы укусов одинаковы и говорят о том, что их оставил один и тот же преступник.

– Никакой ДНК?

Раузер покачал головой.

– Чтобы не запачкаться, он использует резиновые или латексные накладки, возможно, стоматологический коффердам. Мы проверяем магазины медицинского оборудования, дантистов, фельдшеров, врачей. – Он пожевал губу. – Четыре жертвы, о которых нам известно. Я имею в виду, сколько убийств даже не попали в базу данных? Или имели разные характери-

⁷ ПЗНП – Программа задержания насильственных преступников, подразделение ФБР, созданное в 1985 г.

стики? А если он начал убивать молодым, совпадут ли его ранние убийства по почерку с более поздними? Смею предположить, что он «повышает квалификацию», учится.

– Сколько времени прошло с момента первого убийства?

Раузер ответил на мой вопрос, не глядя в свои записи:

– Кей, этот парень охотится по меньшей мере пятнадцать лет.

Сколько убийств так и остались незарегистрированными? Сколько нераскрытых дел еще не занесено в криминальную базу? Я попыталась себе это представить.

– Последнее не удовлетворило его аппетит, – сказала я. – Он сам тебе об этом пишет. Ему нет покоя, он неудовлетворен. Он говорит тебе, что становится полностью активным.

– Знаешь, что действительно не дает мне покоя? – Раузер потер щетину на щеках. – То, как он их оставляет. Ублюдок знал о ребенке Кото. Он достаточно много знает о каждой жертве, чтобы войти и выйти точно в нужное время и не быть пойманным. Он хотел, чтобы ребенок нашел ее.

Мне было неприятно думать о том, что мальчик или кто-то другой найдет изуродованное тело близкого и любимого человека, с демонстративным пренебрежением брошенное лежать в унижительной позе. Мне не сразу удалось проглотить растущий в горле ком.

– Ритуальное выставление тела напоказ, то, как убийца оставляет тело жертвы кому-то из близких в позах, которые наверняка считает унижительными, без одежды, с посмертными увечьями – все это часть темы доминирования. Это демонстрация абсолютного контроля убийцы над жертвой.

Раузер достал из своего чемоданчика еще несколько снимков сцен убийства – каждая группа перехвачена резинкой и снабжена этикеткой – и подтолкнул ко мне через стол.

– Как ты думаешь, почему он их переворачивает?

– Возможно, ему не нравятся их лица, – ответила я и задумалась. – Возможно, ему кажется, что за ним наблюдают.

– Господи, – прошептал Раузер.

– Положение тел наделяет его большей властью. Помогает отдалиться от своих жертв, объективировать их.

Я одну за другой просмотрела фотографии. Энн Чемберс, белая женщина, 20 лет, Таллахасси, Флорида. Боб Шелби, белый мужчина, 64 года, Джексонвилл, Флорида. Алиша Ричардсон, черная женщина, 35 лет, Альфаретта, Джорджия. И Лэй Кото, азиатка, 33 года. Три женщины и один мужчина разного возраста и цвета кожи, все лежат лицом вниз, с ножевыми ранениями и укусами.

Она умерла, спрашивая ПОЧЕМУ. Все они хотят немного покоя посреди хаоса. Их хаоса, не моего. Я не говорю им. Я здесь не для того, чтобы утешать их...

Я посмотрела на Раузера.

– Убийство не является мотивом такого рода преступлений. Оно просто результат действий убийцы. Манипулирование, контроль, доминирование – вот истинный мотив.

Раузер застонал.

– Отлично, это будет легко отследить.

Я вновь посмотрела на сцену убийства Лэй Кото. Маленькая кухня, бледно-желтые стены, желтые столешницы, белая кухонная техника. Все забрызгано кровью и испачкано отпечатками ее ладоней. За свою жизнь я насмотрелась немало подобных сцен. Все они шокировали и глубоко тревожили меня. И все рассказывали историю.

Согласно протоколу вскрытия, который Раузер принес с собой, на шее и плечах жертвы имелись обширные ножевые раны. Судя по углу, под которым они были нанесены, в какой-то момент во время их взаимодействия Лэй Кото стояла к убийце спиной; одни раны были чистыми, другие рваными. Я посмотрела отчет по пятнам крови. Лужа крови на кухонном полу, затем брызги артериальной крови из ран, капли, отскочившие от окровавленного ножа,

ими усеяны плита и холодильник. Кровь размазана по стенам и полу в коридоре. Я поняла, что это значит. Первоначальная атака обрушилась сзади, когда Лей была неподвижна и не ожидала ее. Но затем она начала двигаться, и это продолжалось, продолжалось и продолжалось. Судя по брызгам крови, в какой-то момент ей удалось вырваться и она попыталась убежать. Возможно, ей дали короткую надежду на спасение, просто развлечения ради, чтобы убийце было за кем погоняться. Я уже кое-что знала о преступнике. Терпеливый садист, что и говорить. Дисциплинированный. По словам патологоанатома, издевательство над жертвой продолжалось более двух часов. По всему дому. После чего убийца, оставив кровавые следы на полу в гостиной и коридоре, затащил Лэй Кото обратно в кухню.

Почему? Почему это закончилось именно в кухне – там, где и началось? Я вспомнила письмо, капусту на плите. Посмотрела на инвентарные листы. Говяжий фарш в холодильнике в открытой миске. Я поняла, что она готовила ужин рано, пока летнее солнце не нагрело дом. Вот почему в десять утра на плите варилась капуста, а в холодильнике стояла открытая миска с фаршем для бургеров. Ужин для двоих, сына и ее самой... Меня захлестнула волна тошноты. Он не только хотел, чтобы мальчик нашел мать, – он хотел оставить ее прямо там, где она готовила сыну ужин.

Я закрыла глаза и представила себе, как мальчик возвращается домой. Запах подгоревшей еды наверняка привел его прямо на кухню. *Мама? Мама? Ты здесь?* Убийца, конечно, это предусмотрел. Планирование, фантазии, само убийство, время, проведенное с жертвой, – все это было лишь частью этого. Внимание, которым он утомляется потом, приятно щекочет нервы, вселяет чувство собственной значимости. *Что там они говорят обо мне? Что думают?* След, который он оставил в жизни этого ребенка, то, что он кого-то неизгладимым образом пометил, было огромным, бодрящим бонусом.

Я вновь посмотрела на результаты вскрытия каждой из четырех жертв, между которыми была установлена связь. Большая часть повреждений была нанесена мелко зазубренным ножом, что ослабило каждую жертву. Но ни разу, ни в одном из случаев, приписываемых этому убийце, нож не был подлинной причиной смерти. Нож – всего лишь инструмент, решила я, просто часть воплощения фантазии в жизнь.

Раузер покопался в своем старом кожаном портфеле в поисках записей. Ему нравилось иногда так поступать, закидывать меня информацией.

– Алиша Ричардсон, афроамериканка, была успешным юристом, жила в одном из тех больших кварталов Альфаретта к северу от города. Убита в собственном доме. Как и Лэй Кото, которая овдовела и жила с сыном. И два случая во Флориде – Боб Шелби жил на пособие по инвалидности и тоже был убит в своем доме, и студентка местного университета, первая известная нам жертва, убита в своей комнате в общежитии. Все происходило в светлое время суток. – Он подался вперед и положил руки на мой стол. – Итак, мы знаем, как он их убивает и как оставляет. Но так и не выяснили, что их связывало в жизни. Возможно, это чистой воды случайность. Возможно, он их где-нибудь видит, и у сукина сына едет крыша.

– Не думаю, что это случайно, – сказала я.

– Виктимология учит нас, что образ жизни жертв, их этническая принадлежность, район проживания, уровень доходов, возраст, друзья, рестораны, забегаловки, химчистки, маршруты поездки на работу и детские переживания слишком разнообразны, чтобы установить связь. Я думал, что отличительная черта серийных убийц состоит в том, что они выбирают что-то конкретное: тип, расу, пол, возрастной диапазон, нечто в этом роде. Здесь же все перемешано. Я не могу найти зацепку, понимаешь? Найти то единственное, что привлекает его к ним. Нигде нет признаков насильственного вторжения. Каждый из них открыл дверь этому сукиному сыну сам. Последняя жертва, Лэй Кото, даже приготовила ему чай. – Он указал на одну из фотографий с кухни: на столе стояли два почти полных стакана. – Никаких отпечатков. Никакой

слюны. Он ни разу не прикоснулся к чаю. Он никогда ничего не трогает. Места преступления чертовски чисты. Лигатурные метки от проволоки на запястьях, в некоторых случаях на шее.

– Значит, они в сознании и пытаются сопротивляться, пока он над ними издевается, – сказала я.

Раузер кивнул в знак согласия, и мы умолкли, давая мозгу возможность это осознать, стараясь, однако, не представлять весь этот ужас, и все равно его представляя. Мы оба видели слишком много омерзительных сцен, чтобы оттолкнуть от себя эти образы. Что нам лучше удавалось, так это отталкивать прочь чувства.

– Ты отправил отчеты в Бюро для анализа? – спросила я.

Раузер кивнул.

– Да, и письмо. Белый мужчина, от тридцати пяти до сорока пяти, умный, вероятно, способный удержаться на работе. Живет один, скорее всего, разведен. Сексуальный хищник, который живет и, вероятно, работает где-то в самом городе. – Он коротко отсалютовал и добавил: – Отличная работа, ФБР. Это сужает круг до двух миллионов парней в этом городе.

– Ему нужно время и пространство, чтобы воплотить в жизнь фантазии, которые движут его агрессивным поведением, – сказала я. – Поэтому вполне логично, что они считают, что он живет один. И, согласно его письму, он фотографирует, что помогает ему еще больше разжигать воображение. Он уже представил себе в мельчайших подробностях, что он с ними делает. Это лишь вопрос выбора очередной жертвы. Вероятно, он неким образом видит себя в отношениях с ними. Есть ли вторичные сцены?

– Само место преступления и место, где убийца бросил останки, одно и то же. Делает всю свою работу прямо там же. О чем тебе это говорит?

– Ему не нужно переносить их куда-то еще, потому что он знает, что ему не помешают. Очевидно, он принимает меры предосторожности, которые позволяют ему чувствовать себя уверенно в том, что касается их распорядка дня, соседей и того, что дверь ему непременно откроют.

– Ни тебе свидетельств изнасилования, ни следов семенной жидкости – но Бюро признало это убийством на сексуальной почве. Почему? Это лишь подстегивает ажиотаж прессы.

– Обычно проникающие ножевые ранения связаны с сексуальным поведением.

– Господи Иисусе! – взорвался Раузер, чем, признаться, напугал меня. – Мне просто не терпится объявить, что у нас появился сексуальный маньяк. У нас пресс-конференция через два часа. И я имею удовольствие сообщить городу, что речь идет о серийном убийце.

Я застыла на месте, хотя вовсе не чувствовала себя спокойно. Мой стол был завален фотографиями сцены убийства, а Раузер выделял гормоны стресса, которые буквально прыгали через стол и лупили меня по лицу. У нас не было опыта успешной совместной работы, когда кто-то из нас пребывал в стрессе. Мы в чем-то похожи на щенят, Раузер и я, и гораздо лучше умеем играть, нежели успокаивать друг друга. Обычно ссора начинается когда мы оба взвинчены.

Раузер отвернулся.

– Я хватаюсь за соломинку, а ты не даешь мне ничего, чего я еще не знаю.

Я подумала о глумливом письме и о заключении судмедэксперта. Я терпеть не могла, когда Раузер разочаровывался во мне. Я любила и ненавидела то, как я чувствовала себя с ним рядом. Опять этот комплекс заботливого папочки. Для меня это был крючок, причем всегда. Мой отец почти никогда не говорил ни со мной, ни с кем-то из членов нашей семьи, а когда говорил, то казалось, будто тучи рассеялись и внезапно стало тепло на душе. В детстве и я, и мой брат только и делали, что пытались вытащить его из этой скорлупы, чтобы повторить это чувство. Став взрослой, я потратила слишком много времени, пытаясь добиться этого же от других мужчин. С другой стороны, моя мать почти никогда не закрывала рта. Она щедро раздавала критику и скупое одобрение, что, казалось, лишь усугубляло наши психозы.

– По словам насильников, во время нанесения жертве ножевых ранений у них были фантазии о сексуальном проникновении, – сказала я Раузеру. – Из чего следует, что вместо полового члена преступник использует нож. Колющие ранения, как правило, наносятся вокруг половых органов, а в некоторых случаях также посмертно, и, видимо, их цель не в страданиях жертвы, а в чем-то совершенно другом. Специалисты в области криминальной психологии назвали бы это чем-то вроде регрессивной некрофилии.

– Что еще? – спросил он.

– То, что он написал тебе сейчас, после столь долгого молчания, если оно действительно длилось пятнадцать лет, игры с правоохранительными органами – все это призвано повысить уровень возбуждения и риска. Просто убивать ему уже недостаточно.

– Он не просто убивает, Кей, он их калечит, – напомнил мне Раузер и провел рукой по густым, с проседью, волосам.

– Извини. Я бы рада помочь. Честное слово. – Разумеется, я была искренна лишь наполовину. Просто я всегда говорила такие вещи, когда Раузер бывал чем-то обеспокоен.

– Тогда помоги, – сказал он, чем удивил меня. – Приезжай в участок и прочитай все сводки со всех мест. Вытяни из них что-то применимое на практике, что помогло бы мне выяснить, кто этот ублюдок. Я включу тебя в бюджет в качестве консультанта.

Я покачала головой.

– Не думаю, что для меня сейчас это был бы лучший выбор. Именно из-за такой работы я и забухала.

– Бред сивой кобылы. – Раузер усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья. Он никогда не давал мне поблажки. – Ты забухала, потому что ты алкоголичка. Что тебя беспокоит?

– Меня вытурили из Бюро, разве ты забыл? Я не просыхала. А еще распался мой брак, и я провела три месяца в клинике для алкашей. Помнишь? Ты хочешь угробить все ваше расследование? Тебе нужен криминалист, чьи выводы не будут поставлены под сомнение на этапе судебного разбирательства.

– Окружной прокурор может отрядить в суд «говорящую голову» с более красивым прошлым. Ты нужна мне сейчас, сегодня, на данном этапе. Я больше никому не доверю эту заумную аналитическую чушь. И мне противно, когда ты жалеешь себя. – Он быстрыми отрывистыми движениями начал собирать свои вещи. – Знаю, знаю, Бюро поступило с тобой по-свински. Черт возьми, забей на это, Стрит. Да, у тебя проблемы с алкоголем. У тебя и еще у миллионов пятидесяти других людей. Прекрати использовать это как предлог, чтобы оставаться в стороне. Значит, у тебя было тяжелое детство. Добро пожаловать в наш клуб.

Злой и чересчур вздернутый, он сунул свои записи и фотографии в свой кожаный портфель. Я подумала о Бобе Шелби, он был единственной известной жертвой мужского пола. Он жил один на пособие по инвалидности, сказал мне Раузер. Жизнь и без того уже доставила Бобу Шелби немало страданий. Он не должен был терпеть в свои последние минуты пытки, унижения и ужас. Я подумала об Алише Ричардсон. Чернокожая женщина, молодая и успешная, она пробила все стеклянные потолки на пути к успеху. Ее семья, наверное, гордилась ею. Почему она открыла убийце дверь в тот день? Я подумала об Энн Чемберс, только что начавшей взрослую жизнь в университете штата Флорида. Я подумала о Лэй Кото, о хаосе и кошмаре на кухне, о Тиме, который вернулся домой и нашел ее мертвой. Я подумала о глазах Раузера, смотревших на меня сейчас, стальных, с крошечными голубыми крапинками. Я отлично знала его. Ему было нелегко просить о помощи.

Я откинула голову назад, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Мне жутко захотелось выпить. Раузер захлопнул портфель и схватил его за ручку.

– Кстати, мои поздравления. Твой бывший работодатель полностью с тобой согласен. Бюро тоже говорит, что он вновь просыпается – и что эта фаза охлаждения будет очень короткой. Ты не хуже меня знаешь, что это значит.

Вообще-то, это никакое не охлаждение, подумала я. Это постепенное нарастание. И хотя в данный момент полиция Атланты не собирала урожай тел, убийца был где-то рядом, и он фантазировал, заново переживал свои убийства, тщательно планируя новую реконструкцию – и, возможно, уже выслеживая свою следующую жертву.

Глава 7

KNIFEPLAY.COM

Блоги вашего интернет-сообщества для взрослых Edge Fetish & Knife Play > По ту сторону лезвия, фантазия пользователя BladeDriver, название блога > Парень у бассейна

Он не заметил меня. Рядом с его ухом был крошечный телефон, и он слишком громко рассказывал кому-то о том, что он вечно занят на работе.

– Я вижу жену и детей лишь пять минут за завтраком, – сказал он в свой дурацкий телефон и рассмеялся.

Было восемь утра, и мы, как сельди в бочку, набились в лифт. Каждый мудака с портфелем в городе прижимался ко мне, а он хвастался перед толпой. Я видел, как он украдкой окинул взглядом лифт, свой маленький театр. Тут он был в своей стихии. Я тотчас узнал патологию. Меня замутило. На меня как будто упало тяжелое, мокрое одеяло, и так оно и было. Его звали Дэвид. Этаким маленьким ублюдок, гребаный маленький хвостун. Мистер Подающий Большие Надежды. Нет времени на семью, зато вагон времени для его члена. Он ничуть не изменился.

Он захлопнул телефон-раскладушку и вновь огляделся. Хотел убедиться, что произвел впечатление. Он просто отчаянно нуждался в одобрении. Жалкий тип.

Увидев мое лицо, он просиял. Он вспомнил. Общий друг, приглашение на барбекю. Я познакомился с его женой – а через двадцать минут уже трахал его за его собственным домиком у бассейна. И вот теперь случайная встреча... Какая удача!

Дверь лифта открылась, и мы вместе вышли на пятом этаже. Он погрозил мне пальцем.

– Кто-то обещал позвонить.

Мы в наших деловых костюмах прошли по выложенным плиткой холлам и коридорам с ковровым покрытием, остановились у прилавка размером со шкаф и заказали черный кофе в картонных стаканчиках. Он болтал о повышении. Говоря, он постоянно жестикулирует – у него тонкие, ухоженные руки с толстым золотым обручальным кольцом на левом безымянном пальце. Он взглянул на меня, желая убедиться, что я слушаю. Он хотел знать, что мне интересно. Мне было интересно. Даже очень. Он улыбнулся. Ему понравилось, как я на него смотрю. Мои холодные устремления узаконивали его самомнение и льстили ему. Я знаю такой тип мужиков. Он также уделяет много внимания шмоткам. Пара черных ботинок от «Джон Лоббс» на его ногах стоила никак не меньше двенадцати сотен долларов, и темно-синий деловой костюм от «Фиораванти» – еще двенадцать. Он также платит своей госпоже четыреста в месяц за то, чтобы та писала ему унижительные сообщения, наступала ему на яйца и время от времени нападала на него с дилдо.

Мы назначили свидание. Ужин. Я думаю, что какое-то время буду трахать ему мозги, а потом острие моей стали вопьется в его плоть. Как глубоко оно войдет, прежде чем поверхностный щеголь Дэвид истечет кровью? Буду держать вас в курсе. *Блейд Драйвер.*

* * *

Закаты в Атланте ослепительны и совершенно фальшивы. В тихие летние дни, когда озоновый смог настолько побивает все федеральные нормы, что даже руководитель крупного банка мог бы удивленно выгнуть бровь, почти пять миллионов человек и их застрявшие в пробках автомобили окрашивают городской воздух в пыльно-желтый цвет. Но вечером, когда в конце лета солнце точно ловит химический воздух, это превращает небо в центре города в огонь.

Каждый вечер из окна моего лофта на десятом этаже отеля «Джорджиэн террас» я наблюдаю это шоу вместе с примерно миллионом пассажиров, застрявших на главной городской автомагистрали. С высоты моего десятого этажа это похоже на ползучие полосы красных и белых огней, растянутые на многие мили.

Когда я впервые посмотрела в это окно, шел дождь. Был декабрь, и Пичтри-стрит нарядили к рождественским праздникам. Огни кинотеатра «Фокс» танцевали на поблескивающих от влаги улицах, а любители концертов, одетые в длинные пальто, выходили из кафе, выпуская облачка холодного воздуха, чтобы выстроиться в очередь под бледно-желтыми огнями большой красной маркизы перед входом. Я люблю свой квартал на Пичтри-стрит. Здесь рестораны оставляют задние двери открытыми, чтобы выпустить жар, и меня каждый день встречают восхитительные ароматы. Здесь жареная куриная печень и пирог с орехами pekan соседствуют в меню с ризотто с лобстером и суфле из коньяка с инжиром. Здесь уличные торговцы и бомжи ловят удачу среди начищенной обуви богачей, а мойщики ветровых стекол ждут на углах с полупустыми аэрозольными баллончиками моющих средств.

Но летом, когда дни длинные, а от немигающего солнца температура резко подскакивает вверх, Атланта может быть жестким городом. То и дело вспыхивают страсти. От перегретых двигателей валит пар, и выйти на улицу все равно что встать перед тепловентилятором. Атланта бурлит и кипит в гнев. И теперь, благодаря тому, что сказал мне Раузер, я знала: по улицам бродит еще один убийца.

Я услышала какой-то звук в холле возле моего лофта и подумала о Дэне. Даже сейчас запах, звук, поворот ключа в замке способны вернуть меня к тому, что я чувствовала, деля с кем-то жизнь, дом, прозаические тяготы повседневности, ожидая увидеть вечером его голубые глаза, услышать его голос. Теперь все не так. Даже близко не так. Это работа. Это общение на грани взаимных оскорблений. Это разбитое вдребезги прошлое.

Белая Мусорка, кошка, которую я два года назад спасла на Пичтри-стрит, вышла из спальни, потянулась, зевнула и боднула меня в лодыжку. Я называю ее Белой Мусоркой, потому что она белая и потому что я нашла ее, когда она обедала в куче объедков. Я не знаю, как она называет меня. Несколько раз погладив ее, я повернулась к окну, выходящему на Пичтри-стрит, чувствуя себя обиженной и нелюбимой: я не ела несколько часов.

Звякнул мой телефон. Рингтон Раузера. Я не хотела говорить ни с ним, ни с кем-либо еще, но теперь я не всегда умею говорить то, что мне нужно.

– Привет, – ответила я без всякого энтузиазма. Я была довольно зла на него за то, что вчера он так жестко обрушился на меня лишь потому, что я не дала ему того, чего он хотел.

– Звучит не слишком приветливо, – ответил Раузер. Я узнала фоновый шум, телефонные звонки и голоса полицейского управления Атланты и представила себе Раузера в его стеклянной кабинке. Мы не разговаривали с того момента, как он, громко топая, вышел из моего офиса.

– Не лучший день, – уклончиво заметила я.

– Пообедала с Дэном? – спросил Раузер, и я услышала, как он идет, а потом звякнул лифт. – Это было сегодня, не так ли? Вы, ребята, разговариваете?

– Я по уши в разговорах, – огрызнулась я.

– Эй, ты чего злишься, Стрит?

– Он на терапии, – сказала я. – Я тоже. Так что давай лучше оставим эту тему.

– Злишься в одиночку, – произнес Раузер.

– Да, злюсь. Он возомнил себя гребаным аналитиком, потому что он, видите ли, на терапии. И он такой праведник... До невозможности.

– И какой диагноз поставил доктор Дэн?

– Что это несерьезно. Что у меня проблемы по части интимных отношений.

Раузер усмехнулся.

– И как ты это восприняла?

Я вздохнула.

– Я сказала ему: «Твои проблемы у меня вот здесь», схватила за промежность и вышла.

– Остроумно, – сказал Раузер. – И по-взрослому.

Лифт снова звякнул, затем послышались шаги по стертому кафельному полу. Внезапно в телефоне Раузера прозвучал порыв ветра, и я поняла, что он вышел из здания. Интересно, куда это он направляется, что за чрезвычайная ситуация? Срочная потребность в сигарете – или другом месте убийства? Я в миллионный раз подумала о тех фотографиях, которые он швырнул мне на стол.

У нас уже были такие разговоры и раньше, у Раузера и меня. Мы понимали друг друга так, что не мог бы понять никто другой, кроме любовника. Моя личная жизнь до сих пор была чередой крошечных войн. Последняя, пятилетний брак, оставила во мне ощущение разбитости и легкой окровавленности. Раузер был десять лет в разводе. Двое взрослых детей, оба живут в округе Колумбия. Оба ни разу не приехали в Атланту. Он виделся с ними, когда мог. По его словам, он все еще любит свою жену. Я знала: за эти годы Раузер звонил ей несколько раз и вешал трубку, когда она отвечала. Он знал, что я спала с Дэном, даже когда была зла на него до чертиков, что каждый раз сводило на нет мою самооценку. И Раузер, и я были совершенно неспособны к длительным романтическим отношениям. Мы оба были угрюмы, ужасно капризны и погружены в себя. Наше родство, как мы пришли к выводу за пончиками и кофе в кафе «Криспи крим», заключалось в наших недостатках.

– Дэн придурок, – сказал он и выдохнул. Я тотчас представила вокруг него облачко сигаретного дыма. – Слабонервный душнила. Я как раз собирался тебе это сказать.

Я на миг задумалась. Дэн был худощав, с плавными движениями танцора и темными волосами, которые он всегда отпускал подлиннее, и они падали ниже воротника. Он был довольно красив в некоем богемном, щегольском смысле, чтобы его не воспринимали как женоподобного. Я подумала о том, как всякий раз, когда представляла его кому-то из моих знакомых, ему всегда удавалось придать своим прекрасным чертам выражение неизбывной скуки.

– Он и правда придурок, – согласилась я.

– Тогда в чем его привлекательность?

– У него огромный член.

Раузер рассмеялся.

– Послушай, Кей. Извини за вчерашнее. Просто я... Я не знаю. Я не хотел срывать на тебе, понимаешь?

Именно в такие моменты эти маленькие жесты раскрывают истинную суть Раузера. Он появлялся с коробкой еды на вынос или звонил, чтобы просто узнать, как у меня дела, а затем, в разгар напряженного расследования, терпеливо выслушивал мои нудные объяснения о том, как прошел мой день. Он был очень милым, и я была рада, что он все-таки позвонил.

– Черт, – сказал вдруг Раузер. – Мне пора, Стрит.

Глава 8

Не знаю, как долго я спала, когда зазвонил мой мобильный. Белая Мусорка лежала у меня на груди. Обычно я не возражаю, но в последнее время у нее вошло в привычку ложиться не тем концом, так что, проснувшись, я имела удовольствие лицезреть ее зад. Из моего телефона вырвалась песня «Dude» группы «Аэросмит» – рингтон, который я выбрала для Раузера. Не будучи до конца уверена, что он полностью оценит юмор, я не стала ему этого говорить.

– Ты в порядке? – спросила я, глядя на часы у кровати. Три часа ночи.

– Я получил еще одно письмо. Этот тип просто чокнутый, Кей.

Я молчала.

– Кей? Ты там спишь?

– Да, – солгала я. Честно говоря, я не была уверена, чего мне хочется больше: броситься на помощь или же бросить трубку. В прошлом я пыталась, хотя и без особого успеха, установить границы между его работой и моей жизнью, а также понять, где этим двоим – работе и личной жизни – нормально встречаться, а где нет, но я знала, что подаю смешанные сигналы. Полицейская работа затягивала меня, как наркотик, как теплая лимонная водка. Я одновременно и любила, и ненавидела то, чему училась всю мою жизнь.

– Я отправлю тебе факс, ладно? Просто, пожалуйста, посмотри на это. Я не буду просить тебя снова, но сегодня вечером мне нужен твой мозг. Он дал нам временную шкалу. Три дня, и он совершит новое убийство.

Я дала себе секунду, чтобы осознать этот новый ужас, затем села в постели и вновь представила себе снимки сцен убийства: Лэй Кото на кухонном полу, Боба Шелби и Алишу Ричардсон, Энн Чемберс, замученную и убитую в комнате студенческой общаги. Я вновь подумала об их крови, об их смертном часе. Я кожей чувствовала их, когда смотрела на эти фото. *Три дня.*

В старых боксерах Дэна и футболке я направилась на кухню. Уровень сахара в моей крови был примерно по щиколотку. Я нашла бутылку виноградного сока и тотчас вспомнила первые дни в реабилитационном центре, когда проходила детоксикацию. Мне прописали кучу заменителей, в том числе фенотарбитал и виноградный сок. Медсестра сказала мне, что виноградный сок ворвется в мой организм, как это раньше делал коньяк, и обманет меня. Она была права. На четвертый день врачи начали убирать «костыли». Сначала фенотарбитал. На пятый день они пришли за моим виноградным соком. Я до сих пор им этого не простила. Когда меня выписали, я первым делом поехала на рынок и запаслась им. Когда я прихожу к Раузеру домой, он наливает мне его на три пальца в стакан для виски. Свой стакан он наполняет дешевым бурбоном, и мы чокаемся и собираемся перед телевизором, чтобы посмотреть очередной матч «Брэйвз»⁸.

Я подумала о Раузере и, чувствуя, как в меня просачивается чувство вины, с виноградным соком в руках со вздохом прислонилась к кухонному столу. Чувство вины – еще один подарок тех дней, когда я регулярно закладывала за воротник. Неужели я и вправду эгоистка? Раузер имел в своем распоряжении великие детективные умы, которые ему ничего не стоило задействовать, но вот стал бы он им доверять? Он был не в восторге от психологического портрета, полученного от Бюро. Он будет грудью защищать свою территорию, отказываясь шире открывать дверь постороннему агентству, и, если честно, местные полицейские решают местные проблемы куда лучше, чем кто-либо со стороны.

Из гостиной донеслось гудение моего факсимильного аппарата. Белая Мусорка боднула меня в лодыжки, ожидая, когда я плесну ей в миску сливок, которые она привыкла лакать по утрам. То, что мы встали на четыре часа раньше, казалось, никак не повлияло на ее график

⁸ «Атланта Брэйвз» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

попрошайничества и неустанное выклянчивание молочных продуктов. Я налила ей в блюдо немного сливок и прошла в гостиную.

«Чего я так боюсь? – спросила я себя. – Неужели того, что не смогу обойтись без алкоголя? Что без него не смогу позволить своим мыслям шнырять по этой дикой местности? Что если лишь благодаря ему я стала хорошим профайлером?» Да, тогда я была более чувствительна к гуляющей на свободе разрушительной силе. Но, к сожалению, бóльшая часть этой разрушительной силы была моей собственной. Не исключено, что именно изучение этого темного ремесла в первую очередь и подтолкнуло меня к чему-то такому, к чему мои гены уже были предрасположены и чего жаждали получить. Может ли это вновь подтолкнуть меня туда? Я больше не хотела возвращаться. Ни за что и никогда. Мне же хотелось выпить каждый день, это истинная мука алкогольной зависимости, эта постоянная тяга, эта борьба противоборствующих желаний. Они разрывали меня даже сейчас, когда я доставала из факса две страницы, аккуратно напечатанные с двойным интервалом. Я ощутила знакомое ускорение пульса, тиканье в висках. Нет, это были не опасение и не страх, это было нечто другое – возбуждение.

Я включила торшер и опустила с письмом на кушетку.

Лейтенанту Аарону Раузеру Департамент полиции Атланты Отдел по расследованию убийств, мэрия Восточного района

Это не входило в мои планы. Я был там не ради него. Просто вмешалось providение. Вам хочется все понять, не так ли, лейтенант? Вы хотите, чтобы я объяснил процесс выбора.

«Что за неведомая, непостижимая, нездешняя вещь?» Когда-то Мелвилл хотел это знать, как и вы сейчас. ПОЧЕМУ все это должно сводить вас с ума.

Это случилось в лифте, невинная встреча. Он приглаживал свои черные волосы, играл на публику; я же был так близко, что ощущал запах его лосьона после бритья. Его напыщенность вызывала у меня смех, а потом мне стало физически плохо. Его потребность душила меня.

Я смотрел на него и слушал. Я знаю этот тип мужиков. Под лестницей, по которой он поднялся, похоронена грудa тел. Восемьдесят часов в неделю в офисе, и он все еще находит время изменять жене. Ему без этого никак, без этих вечных измен. Он использует секс, чтобы заполнить пустоту. А эта пустота неизбывна. Он утверждает, что любит жену и детей, но он не способен на любовь. Он притворяется, как и я. Как профайлеры называют это в наши дни? Успешный социальный лоск? Улыбайтесь, обменивайтесь светскими беседами с коллегами и соседями, дружески положив руку им на плечо. Вас удивило бы, скажи я, что у меня сложились дружеские отношения? Ничего честного, разумеется, никакой глубокой близости или любого другого человеческого расположения, которое определяет дружбу, только их видимость. И я большой мастер по этой части. Такие, как я, лейтенант, действительно мастера. Не поэтому ли они открывают дверь?

Подкинуть вам лакомый кусочек? Вот что ваши аналитики наверняка захотят знать: когда я с ними, когда они умоляют меня остановиться, когда они говорят мне, что я делаю им больно, когда они спрашивают, почему, я спрашиваю в ответ: «Каково это? Что ты чувствуешь? Какие ощущения у тебя внутри?» Они никогда не знают, что сказать. Они даже не понимают, о чем я спрашиваю. И я копаю глубже. Я не отступаю. Я не даю им покоя. Я хочу знать. Каково это, черт возьми? По крайней мере, я даю им что-то осязаемое для страданий, некую боль, которую можно точно определить, героически вытерпеть. Люди прощают тебе боль. Иногда хорошо иметь боль, в которую даже можно вонзить зубы. Вот почему люди режут себя, теперь мне это понятно. В любом случае, бóльшую часть времени мы почти все истекаем кровью. Так почему бы не увидеть след от брызг артериальной крови, который мы оставляем после себя?

Никакой эмпатии, думаете вы. Законченный эгоцентрист. Но как бы я знал, как причинить им боль, если б сам не имел всеобъемлющего понимания боли и унижения? Нужно иметь неэгоцентрическую точку зрения, чтобы наслаждаться истинными удовольствиями эгоцентризма. Болен, болен, болен, скажете вы. Не судите меня по своей шкале ценностей. Это не поможет вам найти меня. Мы просто используем разный набор идеалов, вы и я. Ведь кто-то столь ужасно больной просто не смог бы так долго избегать обнаружения, верно? А я занимаюсь этим дольше, чем вы думаете, лейтенант.

Я поздоровался с ним в то утро в лифте, и мы обменялись рукопожатием. Ваше сердце подпрыгнуло, когда вы это прочли? Публичная обстановка, свидетели, видеокамеры... О, как это должно заинтриговать вас! Что за здание и что за лифт? Мы уже встречались раньше? Он одарил меня волчьей улыбкой, и в тот момент я понял: он такой же хищник, как и я.

Дать вам подсказку, чтобы ваше полное надежд сердце замерло? Дэвид, черные волосы, дорогие костюмы, перспективы карьерного роста. Три дня, лейтенант. Тик-так.

* * *

Ночью фонарь на Пичтри-стрит отбрасывает на мой лофт витражный свет. Мне нравится его тепло, нравится маркиза у кинотеатра «Фокс» через дорогу, подсвеченная массивными круглыми лампочками. Но этим вечером, пока я сидела с блокнотом и ручкой и этим незванным гостем, еще одним письмом от убийцы, мой дом казался мне зловеще темным и тихим.

Когда через час я ответила на звонок, Раузер спросил:

– Ты поговоришь со мной? Если разрешишь мне подняться, я приготовлю кофе.

Он позвонил из вестибюля и через две минуты уже был у меня – в джинсах «Ливайс» и темно-синей футболке с ярко-желтой эмблемой полиции Атланты на левом рукаве. Судя по его виду, ему не помешало бы вздремнуть и побриться. Раузер прошел прямо на кухню и насыпал в кофемолку зерна для эспрессо. Он знал, где у меня что лежит. Мы оба проводили много времени дома друг у друга.

– Кофе, – сказал он, поставил наши чашки на кофейный столик, сел, повернулся ко мне и положил свою руку на мою. – Спасибо, Стрит. Мне просто нужно обсудить это с кем-то, кто хоть что-то смыслит в этом дерьме.

Я кивнула. Что еще я могла на это сказать? Раузер закинул ногу на ногу и отхлебнул кофе со сливками и сахаром.

– Вряд ли этот тип стал бы делать предупредительный выстрел, будь у нас время найти этого Дэвида, – без предисловий сказал он. – Но мы все равно попробуем. Мне плевать, если ради этого нам придется просмотреть каждую видеозапись из каждого здания в этом городе. Мы поймаем этого ублюдка.

Мы умолкли. Я задумалась о том, сколь трудным будет этот процесс, о том, сколько времени и ресурсов он сожрет, о том, как бедолага-коп из каждой смены будет вынужден часами корпеть, просматривая записи с камер видеонаблюдения, зернистые и нечеткие. И что именно они будут искать? Как кто-то пожимает кому-то руку в лифте, ходит по коридорам и разговаривает? И что потом? Тратить часы, а может, и дни, устанавливая имена этих лиц, брать у них показания? Убийца выдал ровно столько информации, сколько ему было нужно, чтобы полиция Атланты начала гоняться за ним по пятам.

Три дня, лейтенант. Тик-так.

– Возможно, весь сценарий – чушь собачья. Он просто играет с нами. Эти парни – любители блефовать. – Раузер делал пометки на своей копии письма и задумчиво грыз ручку. – Это проблема со всеми убийцами. Все, как один, кучка гребаных лжецов. Лифт – он может быть, а может, и нет. Может, есть Дэвид, а может, и нет. Тем не менее мы должны проверить все, до малейших деталей.

Раузер уже собрал в оперативную группу больше следователей, чем то когда-либо бывало в Атланте, о чем с гордостью объявил мэр, а СМИ раскритиковали как чрезмерные расходы. Раузер также организовал круглосуточную линию для анонимных звонков. Самая дорогая оперативная группа не давала результатов – по крайней мере, так утверждалось в отчетах.

– Есть, над чем задуматься, – осторожно сказала я. – Похоже, он неплохо понимает, что это значит с точки зрения рабочей силы. – Мой пульс слегка участился. Неужели человек, убивавший и хвастающийся этим в письмах к Раузеру, знаком с работой правоохранительных органов? И если да, то насколько хорошо?

Раузер посмотрел на меня, изобразил указательным и большим пальцами пистолет, прицелился и выстрелил в меня.

– Хорошая мысль, – сказал он и позвонил одному из своих детективов. – Уильямс, вы с Бевинсом начните проверять каждый отказ в приеме в полицейскую академию за последние пятнадцать лет, – сказал он в трубку. – Разыщите их. Всех до одного. Несостоявшихся полицейских, фриков из Международной организации по борьбе с преступностью. Найдите их и проверьте их алиби. Еще я хочу, чтобы ты – лично и не афишируя своих действий – составил список всех, кто привлекался к дисциплинарной ответственности по причине применения чрезмерной силы, оскорбительных выражений или сексуальных домогательств. Всех, у кого пока не состоялось разбирательство, кто временно отстранен от работы или отправлен в оплачиваемый отпуск. Их личные дела должны быть у меня на столе к полудню.

Раузер достал из своего портфеля снимки места преступления и разложил их на моем журнальном столике.

– Этот тип явно умен, – сказал он, расположив их группами от первого до последнего убийства: Энн Чемберс, Боб Шелби, Алиша Ричардсон, Лэй Кото. – По мнению ФБР, мы имеем дело с разочарованным неудачником. Ты тоже это видишь?

– Нет, – ответил я. – Я вижу перфекциониста. Тип крайне осторожный и сосредоточенный, который хочет казаться умным и успешным, который хочет произвести впечатление на других. Два его письма говорят нам об этом. Я не вижу парня, который до сих пор живет в подвале у своей мамочки.

Раузер кивнул в знак согласия.

– Итак, у меня есть потенциальная жертва по имени Дэвид и гребаный лифт, и то, что я добыл из этого дерьма. – Он постучал по письму указательным пальцем.

– Есть еще пара вещей, которые оттуда можно извлечь, – сказала я. – Во-первых, этот тип привык всех и вся контролировать. Члены семьи, любовницы, коллеги так или иначе испытали это на себе. Кроме того, садистское поведение, вероятно, должно получать выход посредством общения с сексуальными партнерами даже в периоды охлаждения. Он или платит за это, или находит желающих в садомазохистских сообществах, где любопытство играет в игры с болью и зависимостью; но он не хотел бы, чтобы его партнеры устанавливали границы или использовали стоп-слово. Такие люди получают скверную репутацию в сообществах, где это контролируется. Я бы начала задавать вопросы там. Вероятно, он также посещает веб-сайты, которые подстегивают его фантазии о доминировании. Однако он осторожен. Эта идея внешнего социального лоска, она работает, Раузер. На первый взгляд он тот, за кого себя выдает. Он мастер по части этой игры.

– Все остальные жертвы были довольно легко доступны, но если у Дэвида есть семья и он носит дорогие костюмы, все будет по-другому. У него окажется охранная система, возможно, няня или жена-домохозяйка, собака, а то и две...

– У Алиши Ричардсон тоже была охранная система, – сказала я и взяла фото, на котором она лежала лицом вниз и раскинув ноги, вся в синяках и укусах. Потемневшие от крови дубовые полы окружали китайский ковер, на котором она валялась, словно брошенная тряпичная кукла. Плечи и внутренняя часть бедер в следах от кровожадных укусов, колото-резанные раны

на бедрах и ягодицах, на боках и пояснице. Я представила себе, как он входит в ее дом. Она ждала его? Я закрыла глаза и попыталась представить себя там, увидеть живую Алишу его глазами. Я звоню в звонок и жду. Она хорошенькая. Улыбается. Она меня знает? Она хочет, чтобы я был здесь. Почему? Я вхожу в ее дом. Я нервничаю, но потом мои легкие наполняются воздухом, которым она дышит, и я ощущаю силу. Я знаю, что теперь владею ею так же, как владею дверным проемом, через который я прошел, и воздухом, которым мы оба дышим, и ковром под ногами. Все, о чем я могу думать, это когда же, когда я ударю ее в первый раз? Я обожаю блиц. Обожаю сюрприз. Мне нравится смотреть, как она умоляет, пока я достаю проволоку и нож...

– Да, но охранный система не была включена, – возразил Раузер.

– Потому что она сама открыла дверь этому гнусному извращенцу, как и остальные три жертвы. Но она жила одна. В отличие от Дэвида.

– Он не нападет на Дэвида у него дома. Он расширяет поле своей деятельности, что делает его еще опаснее.

Мы изучаем бисексуальную тему. Но, по правде говоря, это самое закрытое сообщество. Многие парни не прочь этим заняться, но они не обязательно это афишируют. Мы надеемся, что это сделает или сам Дэвид, или убийца. Мы прочесываем бары – притоны натуралов, геев, садомазохистов, – опрашиваем клиентов, мужчин и женщин.

– Дело не в сексуальных предпочтениях или сексуальном влечении, – сказала я и подумала обо всех серийных делах, над которыми работала в Бюро. – Речь идет о контроле над жертвой.

– Как же мне его найти? – спросил Раузер. – Как нам вовремя добраться до Дэвида?

– Обнародуй письмо, – ответила я.

Глава 9

Казалось, будто я всю ночь бегала трусцой. Раузер оставался на работе почти до шести утра. Я должна была в девять вручить запретительный ордер. Обычно такие вещи не планируются заранее, но тут мне повезло. Получатель, некто Уильям Лабрек, был вынужден согласиться на церковные консультации у психолога и принять документы, которые я намеревалась вручить ему, а именно запретительный судебный приказ шерифа, от которого он уклонялся в течение нескольких недель. Власти штата должны рассмотреть возможность посещения детей под надзором. Легкие деньги.

Я нашла его в часовне. Он сидел прямо, будто аршин проглотил, и смотрел перед собой. Плотник, как я знала из его досье, и довольно крепкий мужик. Уильям Лабрек, похоже, не особенно обрадовался нашей встрече. Чувство было взаимным. Я не была в церкви лет пятнадцать.

– Не смейте вручать мне это в доме Божьем! – практически зашипел он на меня и скривил верхнюю губу.

– Послушай, мы оба знаем, что ты должен это взять, иначе тебе никогда не увидать своего ребенка. Так что не надо ля-ля про дом Божий, – прошептала я. – Возьми, или я оставлю ее лежать здесь. В любом случае, будем считать, что повестка вам вручена, мистер Лабрек.

О-о-о... Я было начала думать, что у нас возникла проблема. По его шее вверх пополз симпатичный алый румянец, а вздувшаяся синяя вена на виске начала отплясывать макарену.

– Я просто оставляю это, – прошептала я.

– Да пошла ты! – огрызнулся он, и когда я попыталась протиснуться мимо него вдоль скамьи, совершенно неожиданно с силой схватил меня за запястье. Мне не нравилось ощущать его руки на мне, и я не доверяла его глазам, блестящим и светящимся, как огненная лава. Вот вам и дом Божий...

– Эй, полегче. – Я высвободила запястье. – Я здесь всего лишь на побегушках, приятель. Ты знал, что это случится. Твой пастор обо всем договорился. Хотя вряд ли большая старая сцена в церкви тебе поможет.

– Знаешь, почему эта сука-адвокат и пастор хотели, чтобы мы встретились в церкви? – спросил Лабрек. – Чтобы у меня не было соблазна раскромсать твою китайскую задницу на мелкие кусочки и сбросить тебя в гребаную канализацию.

О господи... И это мое утро. Может, позже я смогла бы ткнуть себя в глаз раз триста или четыреста – просто потехи ради.

* * *

Солнце льется в окна. В комнате тихо. Убийца откидывается назад и тянется за смартфоном. Там есть видео – видео чернокожего адвоката и видео азиатской сучки, суетливой наседки, готовящей вонючую капусту для своего сынка. Это его любимое видео. Лэй Кото на коленях рыдает и умоляет. Ни капли собственного достоинства.

Убийца улыбнулся, сунул руку в дорогие брюки и включил видео с Лэй Кото. Человеку время от времени нужно расслабиться.

– Надень перчатки. Вот так. А теперь дай мне свою руку. Потрогай меня вот здесь, вот так... Быстро! Да, верно. Продолжай, детка. Только попробуй остановиться, и я тебя трахну. Ты меня слышишь? Глупая гребаная сука. Тебе нравится драть меня, не так ли? Скажи это. Скажи мне, что тебе это нравится. Скажи мне.

– Да. Мне это нравится.

– Что именно? *Говори!*

– Мне нравится тебя драть.

– Э, нет. Так дело не пойдет. Ты знаешь, что бывает, когда ты делаешь это неправильно? Я снова достану нож. Ты этого хочешь? А теперь попробуй еще раз, на этот раз убедительнее. Скажи это. Скажи это так, как будто ты это серьезно. Тебе нравится драть меня, не так ли? Ты обожаешь это делать. Тебе хочется, чтобы я кончил, не так ли?

– Пожалуйста, просто отпусти меня. Я сделаю все, что ты захочешь. Честное слово. Я клянусь. Я не издам ни звука. Просто скажи мне, что ты хочешь, и я это сделаю.

– Я хочу, чтобы ты произнесла это правильно, и я перестану. Тебе понятно, Лэй?

– Да. Понятно. Я сделаю все, что ты захочешь. Пожалуйста.

– Отлично. А теперь скажи мне, как сильно тебе нравится трогать меня. Скажи, что хочешь кончить меня. *Говори!*

– Мне нравится трогать тебя.

– Скажи, что тебе нравится меня драть. Я хочу, чтобы ты так говорила. Думаешь, ты слишком хороша, чтобы это сказать? Быстро говори! Скажи «дрочу». Я хочу услышать это из твоего гребаного рта.

– Я это люблю. Честное слово. Пожалуйста, отпусти меня, и я сделаю все что угодно. Если хочешь, я поработаю ртом. Я буду хорошей. Обещаю. Можешь делать все, что захочешь, и я не издам ни звука. Только, пожалуйста, не делай мне больше больно. Пожалуйста! Я буду молчать.

– Это хорошо. Твой рев мне только мешает. Работай рукой. Я сейчас кончу. Говори дальше. Скажи мне, что ты любишь.

– Мне нравится драть тебя. Я хочу кончить тебя.

– О да. Скажи мне, что ты этого хочешь. Продолжай это говорить. Скажи мне.

– Я это хочу. Я хочу тебя. Я люблю, когда ты кончаешь...

– О да, да, да! Разве это не было чудесно, детка? Посмотри в камеру для меня и улыбнись. Улыбнись, сука! Отлично. А теперьними перчатки и передай их мне. Вот так. Мы же не хотим их забыть, верно?

– У меня так кружится голова...

– Не сомневаюсь. Твои губы покалывает? Ты теряешь много крови.

– Что происходит сейчас?

– Я сейчас остановлю твое кровотечение.

* * *

Я подъехала к стоянке дома номер 1800 на бульваре Сенчури-Сентер в офисном парке Сенчури-Сентер рядом с Северо-восточной скоростной автомагистралью, семнадцатизэтажной стеклянной треугольной черной высотке, раскаленной полуденным солнцем. Мне нужно было кое-что забрать в офисе клиента – небольшой, но надежной юридической фирме, которая часто подкидывает мне работенку. Ларри Куинн специализируется на исках о личном ущербе, а его партнеры занимаются в основном разводами. Я вся исцарапалась розовыми кустами, пытаясь сделать хороший снимок неверного супруга, а также вручила документы о разводе, повестки в суд и запретительные судебные приказы, относящиеся к этим делам. Затраченное время плюс сто пятьдесят за бумажную работу – неплохая работенка, если удастся ее получить.

День был сухой, как и большинство здешних дней с тех пор, как началась трехлетняя засуха. Я слышала, что погодные условия меняются и к нам еще вернется дождь. Я знала, что должна больше переживать за наши деревья, за озеро Ланье, наш главный источник пресной воды в Атланте, обмелевшее на шестнадцать футов. Местные телевизионщики буквально задыхались от ужаса, рассказывая об этом. Каждый день газеты пичкали нас диаграммой, показывающей, насколько упал уровень озера и сколько времени осталось до того, как у нас кончится

вода и мы начнем пожирать друг друга. Я же втихаря и весьма эгоистично наслаждалась засухой. Она означала, что я могу ездить на своей старой «Импале» с опущенным верхом.

Чувствуя на плечах жаркое солнце, я направилась к вращающимся дверям. Светилу пришлось изрядно потрудиться, чтобы пробиться сквозь утренний смог, но оно потрудились на славу и теперь освещало фасад здания, ту сторону, что выходит на шоссе I-85 и где располагается офис Ларри Куинна. Я вздохнула. Мне доводилось бывать в кабинете Ларри, когда солнце перемещалось на его сторону. Даже с кондиционером было практически невозможно охладить офисы со стеклянными стенами. Мы проводили встречи за его конференц-столом с потными волосами и закатав рукава рубашки. «Эй-Ти-энд-Ти», полевой офис Бюро в Атланте, множество врачей и юристов, а также отель «Марриотт» – все они называли этот офисный комплекс своим домом. Неподалеку располагались Экзекютив-парк и район Друид-Хиллз, а в противоположном направлении тянулось шоссе Бьюфорд-хайвей – вне всяких сомнений, лучшее место для любителя аутентичной национальной кухни, какую только душа пожелает: многие мили корейских, малазийских, индийских, китайских, кубинских, перуанских рестораников и забегаловок. Если вы можете это себе представить, если оно ходит, ползает, скользит, плавает, растет на деревьях или лианах, над или под землей, значит, кто-то на Бьюфордском шоссе кладет это в пикантный соус и делает из дерьма конфетку.

Кабинет Ларри Куинна находился на пятнадцатом этаже. Чтобы попасть туда, обычно нужно было совершить долгую поездку в набитом до отказа лифте, утром, в обед и в пять часов, но сегодня я быстренько втиснулась в промежуток между часами пик. На стойке регистрации сидел юридический секретарь Куинна, Дэнни, красивый парень лет двадцати пяти в вечных наушниках, чьи пальцы неизменно бегали по клавиатуре. Казалось, Дэнни мог делать дюжину дел одновременно, не теряя напрасно ни единой секунды. Он проводил сорок часов в неделю в офисе «Ларри Куинн энд ассошиэйтс», выполняя поручения сразу для трех адвокатов. Но по выходным Дэнни брился от щек до щиколоток, надевал что-нибудь облегающее и расхаживал, как модель на подиуме, в одном из клубов трансвеститов Атланты. Он был самой красивой женщиной из всех, каких я только видела.

– Доброе утро! Я дам Ларри знать, что ты здесь. Но он не в настроении.

– Что-то случилось?

Дэнни пожал плечами.

– Ты же знаешь Ларри, девочка, он может за пятнадцать секунд превратиться из весельчака в подлого ублюдка. К сожалению, этот подлый ублюдок околачивается здесь уже пару месяцев.

– Может, у него слишком тесные трусы, – прошептала я, и мы оба рассмеялись.

– Чему смеемся? – спросил Куинн из двери своего кабинета.

– Обычный девчачий треп, – сказал Дэнни. – Ты бы ничего не понял.

Куинну было слегка за сорок, но он мог сойти и за более молодого – пепельный блондин с южным акцентом, снискавший славу в Атланте своими дурацкими телевизионными рекламными роликами. Разводы, индивидуальный ущерб, проблемы с налогами. «Один звонок, и дело в шляпе». Практически все в городе узнавали Ларри. Куда бы я его ни сопровождала, редко обходилось без того, чтобы какой-нибудь придурок не выкрикнул «эй, Ларри», а затем, слово в слово принялся бы повторять его рекламный слоган.

– Дэнни, будь добр, принеси файл Боссермана. Спасибо, – сказал Куинн, и мы вошли в конференц-зал. Здесь были установлены вертикальные жалюзи, и было градусов на десять холоднее, чем в мой прошлый приход сюда. – Как насчет кофе или бутылочки воды, Кей?

– Спасибо, не надо. Ты сам в порядке? – Обычно Ларри был весельчак, много шутил, в его карих глазах мелькал озорной огонек. Но сегодня ему явно было не до веселья.

Он открыл бутылку с водой, сел и разгладил лиловый галстук.

– Это заметно, да? Рынок захлебнулся. Я получил крепкий удар. Но пойми меня правильно: со мной все будет в порядке. Однако у меня нет ни одной гребаной вещи, которая стоила хотя бы половину своей стоимости. Понимаешь, что я имею в виду?

– Все знают, что ты имеешь в виду. – Дэнни вручил Ларри папку и, уходя, тихо закрыл дверь. Ларри бросил на нее взгляд.

– Итак, позиция истицы такова. Она едет в один из центров лазерной косметологии на Юго-Востоке, чтобы удалить на верхней губе волосы. Отвечающий за эту процедуру техник использует оборудование неправильно, устанавливает слишком высокие настройки, какие обычно предназначены для менее чувствительных областей, например для ног. В результате у нее на верхней губе ожоги второй и третьей степени.

Я передернулась.

– Значит, теперь ее усы сожжены?

Фирменная улыбка Ларри растянулась на его лице впервые за сегодняшний день.

– Клянусь Иисусом, Кей, теперь она похожа на моего дядю Эрла.

Мы позволили себе пару мгновений позлорадствовать по поводу несчастья его клиентки. Конечно, это нехорошо с нашей стороны, но уж очень смешно.

– Вам нужна история этого лечебного центра и инфы на техника, верно?

Ларри кивнул.

– Жалобы. И в какой именно форме. И фигурировал ли этот тип в какой-либо из них. Заявления пострадавших, судебные протоколы и любые мировые соглашения, какие только сможешь нарыть. Дэнни сделал для тебя копии.

Когда я вышла из его офиса, Куинн пялился в свой мобильный телефон. Я отлично себя чувствовала с папкой под мышкой. Для разнообразия это было нечто относительно интересное и с огромным количеством оплачиваемых часов.

* * *

Когда я вошла, Нил сидел за компьютером в своей обычной позе. На столе для совещаний, где мы иногда работали и сидели с клиентами, я увидела большую корзину с фруктами. Но именно там мы обычно ели и общались, а иногда раскладывали пазлы. Нил был мастер собирать пазлы. Он мог заметить нужный элемент в огромной горе фрагментов. Думаю, его мозг имеет форму, похожую на штат Техас.

– Что это? – глупо спросила я. Нил не стал отвечать. Я отодвинула апельсин сацума и нашла открытку. Из плотного картона, с тиснением, явно дорогая, со словами благодарности за работу, которая была завершена к их взаимному удовлетворению. Внизу подпись – Маргарет Хейз. Моя первая крупная клиентка, а теперь мой самый престижный источник рекомендаций. Ряд юридических фирм и корпоративных агентств по подбору персонала пользовались теперь моими услугами исключительно благодаря вескому слову труднодоступной рекомендации от «Гусман, Смит, Олдридж и Хейз».

Боюсь, что скоро мне придется нанять помощника. Для долгих часов слежки требовалась еще пара глаз и ушей. Кто-то, кто пичкал бы себя сахаром и кофеином, чтобы не заснуть, и прослушивал дрянные аудиокниги. Кто-то, кто взял бы на себя поручения, исследовал и составлял графики дел. Кто-то, кто был бы любезен с новыми клиентами, когда те звонят, что сейчас бывает не всегда. Я опасалась привлекать нового человека в свой бизнес и в свою жизнь. Менять что-то как минимум неудобно.

Я покопалась в корзине с фруктами в поисках чего-то такого, что мне хотелось бы съесть.

– Неужели люди действительно едят эту дрянь? – Я предпочла бы пакет пончиков «Криспи кримс». – Вот уроды, – пробормотала я и сообщила Нилу, что корзина – подарок из офиса Маргарет Хейз.

– Вот почему ты детектив, – обиженно буркнул он.

Ну вот, думала я, очередной денек дурного настроения. Нил порой бывал капризным мелким ублюдком. С другой стороны, меня вечно тянуло ко всяким мелким ублюдкам.

Я села за стол, подняла трубку и услышала пульсирующий гудок. Проверила сообщения: моя голосовая почта была забита под завязку. Нил не принимает голосовые сообщения – он просто перекидывает те, которые ему неинтересны, в мой почтовый ящик.

Я прослушала несколько сообщений, в основном от клиентов, и, наконец, услышала голос Раузера, натянутый так туго, что казалось, что он вот-вот лопнет. До меня дошло: это я дала разрядиться своему мобильнику. Я немедленно перезвонила ему.

Редакция газеты «Атланта джорнал конститьюшн» получила копию первого письма убийцы с описанием убийства Лэй Кото, и там решили опубликовать его почти полностью. Раузер был в ярости: ведь близкие жертвы могли прочитать этот холодный отчет об убийстве. Кроме того, он опасался, что огласка еще больше мотивирует убийцу и повредит расследованию.

– Мэр и начальник так глубоко сидят в моей заднице, что мне уже больно, – пожаловался он в ярости.

Когда в печати появится второе письмо, то, в котором речь шла про Дэвида? Раузер сказал мне, что он пытался привлечь к работе полицию Атланты, опубликовав в прессе второе письмо, но шеф Коннор и мэр наотрез отказались. По их словам, их всех съедят заживо, если полиция не сможет найти Дэвида после того, как им вручат набор улики.

Я взяла утреннюю газету, вытащила ее из пластикового конверта и развернула на столе.

Убийца Уишбоун⁹ насмехается над полицией.

Это было на первой полосе. Газеты дали ему имя, нечто мерзкое, чтобы ему соответствовать.

Последним звуком, который она услышала сквозь собственное хныканье, был щелчок моего фотозатвора и тихий треск ее шеи. Так трещит сломанная пополам грудная куриная косточка...

Между лопаток у меня мгновенно пробежал холодок и пополз вниз по спине. Неудивительно, что Раузер психует. Теперь давление со стороны начальства только усилится. Ему придется работать с ними, предугадывая каждое движение преступника. Ведь на него посыплются все шишки, когда убийца нанесет новый удар. А он непременно его нанесет. Сейчас он, вероятно, представляет себя в мыслях и на устах всего города, всей страны. Слава – афродизиак для тех, кто ее ищет.

Напишет ли он снова, чтобы поиздеваться, показать свое превосходство? Этот тип обожает играть в игру, подумала я, но чем больше он в нее играет, тем выше вероятность, что он где-то облажается.

Я вытащила из ящика стола свежий блокнот и принялась составлять список.

1. Меры предосторожности, наблюдение, изучение распорядка дня... Жертва всегда дома одна.

2. Нападение в дневное время. Сознательный риск с целью заполучить жертву.

3. Локации: первая жертва – студенческое общежитие, три других – в собственном доме, первый этаж.

4. Метод подхода: обман. Жертва сама открывает дверь. Никаких свидетелей. Выбирает время суток с наименьшим количеством людей. Маскировка? Кто-то знакомый? Почтальон, ландшафтный дизайнер...

⁹ Уишбоун (англ. wishbone) – сдвоенная грудная куриная косточка, переламывая которую, загадывают желания.

5. Различная социальная принадлежность жертв.

6. Разные половые и возрастные группы.

7. Отсутствие вещественных улик, дополнительные меры предосторожности – обстановка, уборка места убийства – тормозят следственные действия.

8. Общается с полицией. Мотивация неизвестна.

Примечание. Добиться доступа к фотографиям вскрытий, зарисовкам места преступления, видеозаписям, протоколам допросов и лабораторным отчетам со всех мест преступления.

Я была уверена, что полиция уже проверила все общие службы – электрическую и газовую компании, почту, кабельное телевидение, все, что могло неким образом связывать жертв.

Раузер уже задействовал команды детективов, временно сняв их со всех дел, которые не были приоритетом. Они уже проверили магазины фототоваров, фотоаппаратов и электроники? Если убийца фотографирует, он, вероятно, использует цифровую камеру, что-то маленькое и с высоким разрешением. Он распечатывает копии? Да, конечно. Ему понадобится свобода печатных копий. *Принтеры для фотопечати, магазины электроники и фототоваров.* Вероятно, он выстраивает кадры в некой значимой для него последовательности, мастурбирует, переживает заново, но зачем довольствоваться снимками, когда все, что ему нужно, – это приличный телефон с камерой для записи видео? Казалось бы, такая мелочь – и тем не менее один из головокружительных моментов озарения. Я поняла, что только что чуть-чуть приблизилась к пониманию внутренней жизни убийцы. И телефон – это так просто, так удобно... В поезде, в офисе...

Я задумалась об этом. И мне это не понравилось. Это давало убийце возможность подстегивать свои фантазии, держать их в заряженном состоянии. Он мог смотреть свои видео где угодно и когда угодно, без специального оборудования. Никто не посмотрит дважды на парня, который пялится в свой телефон. Половина жителей Атланты не отрывают глаз от своих мобильных, даже переходя улицу.

Энн Чемберс была убита в Таллахасси, Боб Шелби – в районе Джексонвилла. Имело смысл сверить даты их убийств с документацией авиакомпаний и пунктов аренды автомобилей. Кроме того, если убийца переехал из Флориды, должны остаться соответствующие записи. *Проверить прокат автомобилей или автосалоны, почтовую и налоговую службы.*

Сломать жертве шею – необычный выбор, особенно для серийного убийцы. Это требует определенного мастерства. *Проверить студии боевых искусств, военные части, студентов-медиков... врачей?*

И почему они открывают дверь? Ремонтник? Доставщик?

Проверяла ли полиция Атланты квитанции об аренде форменной одежды за несколько дней до убийств? Были ли споры между соседями, местные выборы, что-то еще, что могло вынудить сборщиков подписей стучать во все двери? *Советы по зонированию, проверка права собственности на недвижимость. Почитать беседы детективов с соседями.*

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Во что я ввязалась? Это было слишком рискованно. В известном смысле мне нужно было срочно переосмыслить годы работы в Бюро, и сделать это на трезвую голову. Проблема заключалась не в том, чтобы вспомнить свое ремесло, а в том, что у меня были проблемы с коленным рефлексом, как у человека, который не может говорить по телефону, не закулив сигарету. Я провела годы в Бюро как активный, но функционирующий алкоголик. Я даже не знала, как думать об этом, что делать с эмоциями – без выпивки в конце дня. И все же я была на периферии этого расследования. Внезапно я поняла: я буду знать и подробно обсуждать с Раузером каждую сцену, оставленную после себя этим убийцей. И мое сердце будет и болеть, и радоваться каждому новому открытию. Я несколько раз повертела шей, но напряжение не отпускало. Всего один глоток все исправит. Всего один. Я вновь была в гуще событий, вновь втянута в насилие. *Черт тебя поberi, Раузер.*

Мне требовалось движение, физическая активность.

– Эй, Нил! – окликнула я из своего кабинета. Я видела, что Нил сидит за столом в главной комнате. Он даже не пошелохнулся. – Не хочешь сходить в «Южные сласти»?

Ноль реакции.

«Южные сласти», крошечная пекарня в Эйвондейл-Истейтс, выставляла в своих витринах такие соблазны, устоять перед которыми можно было лишь в том случае, если вы сделаны из железа.

– Я куплю тебе пирожное. Давай, Нил, нам обоим станет лучше. Поехали на Декалб-авеню, и мы будем там через пятнадцать минут.

Я обожала перекусывать вместе с Нилом, тут он занимал второе место после Раузера. Нил был любитель вкусно поесть. Да какой! И еще он курил много «травы».

Я увидела, как Нил пошевелился в кресле.

– Пирожок с вишней?

– Ты понял, – сказала я и взяла ключи. – Я имела в виду старый добрый шоколад или чизкейк со сладким картофелем.

Нил нахмурился.

– Чизкейк со сладким картофелем – это полный отстой. С тем же успехом можно просто намазать его арахисовым маслом. Чизкейк заслуживает более изысканных добавок.

– Хорошо, – сказала я. На прошлой неделе я видела, как Нил стоял у холодильника, обмакивая сырые хот-доги в горчицу, но решила не поднимать эту тему.

Глава 10

Комната «военного совета» была импровизированной, но хорошо организованной. Ее создали в пожарном порядке, как только базы данных ФБР установили связь между четырьмя убийствами. Характер ран, следы от инструментов, обстановка места преступления – все это слилось в один и тот же почерк, одного и того же убийцу, один и тот же нож. Этот человек не был авантюристом вроде Гэри Хилтона, или кем-то, кто, как Уэйн Уильямс, работал в строго определенных рамках – этнической или возрастной группы, – и, следовательно, потенциальных жертв можно было защитить. Этот тип был другим. Атланта никогда не видела ничего подобного.

Я стояла у двери, никем не замечаемая, если не считать редких кивков от знакомых. Раузер говорил по телефону, стоя спиной ко мне. Длинный стол перед ним был завален бумагами. Огромная доска объявлений увешана снимками с мест преступления и фотографиями вскрытий – все фото пронумерованы и датированы. На картах Джорджии и Флориды канцелярскими кнопками отмечены места убийств. Еще одна доска была посвящена зацепкам, свидетелям, допросам, отчетам детективов. Третья доска для жертв – для их прижизненных фото. Алиша Ричардсон стоит возле уличного гриля с металлической лопаткой в руке и застенчиво улыбается в камеру. Боб Шелби сидит, закинув ноги на журнальный столик с пивом в руке, в шортах, без рубашки, загорелый. Лэй Кото с сыном Тимом; у мальчика в руках спортивный кубок за успехи в плавании. Они были здесь все – смеялись, играли, дышали. Мы в Бюро также вывешивали семейные фотографии. Это было призвано напомнить всем, что эти люди не всегда были жертвами, что это были реальные люди, которые оставили после себя дочерей и друзей, убитых горем родителей, возлюбленных, ошеломленных мужей, наполовину посаженные сады, наполовину написанные бумаги, продукты в сумке, обед на плите, полноценную жизнь. По словам Раузера, он практически жил в этой комнате – хотел пропитать себя информацией. Возможно, через какое-то время, путем осмоса, она обретет для него смысл.

Сегодня в отделе царил атмосфера осады. Давление исходило из самых высоких офисов в нашей местной администрации. Детективы с уже колоссальным грузом дел торопливо сновали туда-сюда мимо меня, пили кофе из пластиковых стаканчиков, распечатывали отчеты, стучали по клавиатуре, перебрасывались идеями. Один из них повесил над досками объявлений надпись «УБИЙСТВА УИШБОУНА», и на мгновение в комнате воцарилось молчание. Суровая реальность внезапно ворвалась в странное, тревожное ощущение творящейся на глазах истории, ужасной кровавой легенды, все еще находящейся в стадии формирования.

– Господи, – пробормотал Раузер.

Я вытащила из-за стола для совещаний стул и, сев рядом, сказала:

– Ну что, приступим к работе?

Раузер уставился на меня. Затем отодвинул стул и встал.

– Внимание, народ, – сказал он, и движение прекратилось. Пара детективов оставили свои кабинки и заглянули внутрь. – Для тех из вас, кто не в курсе: это Кей Стрит. Она опытный криминалист, специалист по интерпретации вещественных доказательств. Кей входит в нашу оперативную группу в качестве консультанта, так что никаких грубостей, полная прозрачность – и, пожалуйста, народ, делитесь с ней пончиками.

С этими словами он снова сел, и мы принялись за работу. Весь день я провела в комнате «военного совета» Раузера, и мои заметки быстро заполнили пару блокнотов – страницы, испещренные плохими иллюстрациями, жирными вопросительными знаками и практически неразборчивым потоком сознания. Так я работала всегда. Разберусь со всем этим позже. Главное не редактировать. Пока. Просто продолжать в том же духе, заложить основу для осмыс-

ленной оценки. Инстинкт и умения, как однажды сказал мне инструктор в Куантико, – нельзя доверять одному без другого.

– Я ищу допросы старших полицейских или медиков «скорой помощи», – сказала я Раузеру, перебирая горы бумаг на столе для совещаний. Я начинала страдать от недосыпания. Я не могла себе представить, как Раузер вообще держится на ногах.

– Я передал тебе их отчеты. Джексонвилл не давал интервью.

Я указала на одно фото с места преступления, прикрепленное к доске. Журнальный столик был перевернут набок рядом с телом. Боб Шелби. Я взглянула на доску и рассмотрела его при жизни: пиво, бейсболка, тот же диван, тот же кофейный столик в комнате, только отодвинут на несколько футов от дивана. В самой комнате все было вверх дном. Судя по отпечаткам на ковре, мебель была сдвинута с места. На полу валялись остатки ужина из фастфуда. Кровавые следы вели от места, где жертва лежала лицом вниз возле лужи крови, к входной двери, а затем в заднюю часть дома. Жертва была полностью голой. Верхняя и внутренняя часть плеч сплошь в синяках. Колотые и резаные раны на бледно-белой коже поясницы и ягодиц, бедер. И следы укусов.

– Если б тебе пришлось реконструировать эту сцену, что бы ты сказал? – спросила я.

– Парень обожал фастфуд из «Тако Белл»?

– Не смешно.

Раузеру не нужно было долго об этом думать. Он уже просмотрел снимки тысячу раз, перечитал массу файлов и сделал собственные четкие выводы.

– Боб Шелби, – сказал он. – Шестьдесят четыре года. Не так много оборонительных ран. Ушиб задней части черепа. Часть еды и мебели перевернута, синяки на верхней части рук. Следы веревки вокруг запястий. Лужа крови на полу. Брызги крови на мебели и ковре. Убийца избил его до потери сознания, нанес ему, пока он еще дышал, около двадцати ножевых ударов, и еще тридцать три после того, как он уже был мертв. Перерезал ему горло, затем наступил ногой в кровь и оставил нам отпечаток десятого размера.

– Первым, кто его обнаружил, был мужчина? – спросила я. Раузер кивнул. – Известно, что он сделал по прибытии?

– Он следовал протоколу: уведомил диспетчеров, оцепил место происшествия.

– Он наступил на кровь? Вам известно, какой размер обуви он носит и какого типа? Вы знаете, двигали ли врачи «скорой помощи» мебель? Случайно не они ли опрокинули еду? – Я ручкой указала на детали на одном из фото. – Тело вот здесь, возле дивана. Вопрос: это медики отодвинули стол, чтобы добраться до него, или так его оставил убийца? Вы знаете, какого размера обувь была у них на ногах и какого типа? Кроме того, на руках это могут быть терапевтические кровоподтеки. Могут быть также посмертные. Нужно уточнить у судмедэксперта.

– Что-то не так? – спросил Раузер.

– Видишь ли, если преступник напал внезапно – а судя по удару тупым предметом, похоже, так и было, – то никакой борьбы не было. Шелби упал и был не в состоянии дать отпор. Но это не имеет смысла. Так что без опроса тех, кто первыми увидели жертву, мы не знаем, реконструируем ли мы взаимодействие жертвы и преступника – или на самом деле просто анализируем то, как старший детектив и медики наделили на месте преступления. И по этой причине у нас нет даже самого вшивого шанса быть уверенными, что убийца носит десятый размер.

Раузер вздохнул и сделал пометку.

– Это был не наш случай, – напомнил он мне.

– А где отчеты по убийствам в Атланте? Я не видела ничего, кроме письменных отчетов от первых респондентов, а это основное. Ты сам знаешь. Эти люди не будут тратить время, если их не заставить.

– Мы свяжемся с полицейскими и медиками, которые прибыли на место убийств Кото и Ричардсона.

– Вспомни Локарда, – сказала я ему. Принцип обмена Локарда гласит, что каждый, кто входит на место преступления, одновременно что-то уносит оттуда с собой и что-то там оставляет. Это был один из основополагающих принципов осмотра места преступления. – Мне неприятно это говорить, но преступник лучше понимает принцип Локарда, нежели все полицейское управление Атланты. Он – специалист высшей квалификации, Раузер. Изучая место убийства, следует помнить об этом. Ваши люди должны знать, какие улики собирать, и поэтому очень важен подробный опрос каждого, кто побывал на месте преступления.

Раузер кивнул.

– Согласен, – сказал он с той беспокойной, бьющей ключом энергией, которая была заразной и в то же время слегка настораживала. Во время таких случаев, как эти, он был вечно на взводе, почти не спал и фонтанировал идеями. Но он дорого платил за эти свои маниакальные эпизоды. В течение следующих нескольких дней или недель, или всякий раз, когда проект больше не нуждался в нем, он достигал дна, такого изнурительного минимума, что даже просто встать с постели было выше его сил. Раузер называл это «гриппом», и я видела, как эти настроения превращали его в сущую развалину. Я называла это гипоманией, но мое мнение о его психическом здоровье его не интересовало.

Из участка я позвонила Нилу и сообщила информацию о жертвах – дату рождения, социальные сети, полные имена. Когда дело касалось всего, что хоть немного напоминало шпионаж, у Нила был не глаз, а алмаз. Нам нужно было подробно изучить жизнь каждого из этих четверых, составить профиль каждого из них столь же тщательно, как и убийцы, и провести всестороннюю оценку рисков. Если мы поймем жертву, то поймем и убийцу. Он что-то получает от них. Что именно? Какую потребность он удовлетворяет? Что его поведение говорит о мотиве? Что он разыгрывает и как его поведение соотносится с физическими элементами его преступлений? В какой момент его жертвы первые подверглись риску? Один только ответ на этот вопрос решит сотню других: на что убийца готов, чтобы заполучить своих жертв, о местах преступления, триггерах и мотивах.

Краем глаза я заметила движение. По коридору к комнате «военного совета» тяжело шагал Джефферсон Коннор, двадцать четвертый начальник полиции Атланты. Коннор был в форме – он всегда облачался в нее, идя на пресс-конференции. Интересно, задалась я вопросом, не потому ли у него такое кислое выражение лица. Возможно, причиной тому был бюджет в двести миллионов долларов или двадцать четыре сотни сотрудников, которыми он руководил. Возможно – серийный преступник, работавший на вверенной ему территории. Я никогда не была знакома с ним лично, но видела, как он спокойно отвечал на любые вопросы, от расследования убийств до коррупции внутри отдела. Раузер много рассказывал о нем. Они были друзьями и напарниками в округе Колумбия, когда только начинали работать в полиции. У обоих за плечами было по двадцать с лишним лет работы в правоохранительных органах. Коннор с самого начала хотел подняться по служебной лестнице. Раузер, наоборот, отказался от продвижения по службе, чтобы заниматься любимым делом. Раузер приехал в Атланту, а Коннор отправился в Лос-Анджелес. Там он дослужился до начальника управления, создал должности по связям с общественностью, основал для этого специальный отдел и, благодаря сотрудничеству с местным сообществом, резко сократил количество убийств на вверенной ему территории. Ажиотаж, окружавший приезд шефа в Атланту, не имел себе равных: когда он вышел из здания аэропорта Хартсфилд-Джексон, репортеры налетели на него, как будто перед ними была рок-звезда, а мэр сиял улыбкой на их первой совместной пресс-конференции.

Это был крупный тип, ростом шесть футов четыре дюйма, широкоплечий, с круглым носом с прожилками и румяным лицом человека, который провел долгое время не то на солнце, не то в баре. За шефом Коннором следовала Джин Баском, официальный представи-

тель полиции Атланты по связям с общественностью. Баском проводила ежедневные брифинги для прессы, озвучивала отчеты о проделанной работе, сглаживала косяки, и, по словам Раузера, выступала в роли всеобщей девочки для битья. Баском не только терпела ежедневные нападки со стороны прессы, но и отвечала на звонки от семей жертв и держала ответ перед начальником и мэром за любые публичные оплошности. Я с трудом представляла себе, что могло бы привлечь кого-то в такой должности.

Шеф Коннор толкнул дверь, кивнул сбившимся в комнате детективам, на мгновение остановил свой взгляд на мне и наконец сказал Раузеру:

– Поговорим перед пресс-конференцией, лейтенант. Вы тоже должны там быть. Им нравится видеть нас всех в очереди. Это похоже на стрельбу по мишеням. – Он вновь кивнул в сторону комнаты. – У тебя около двух минут, Аарон.

Раузер посмотрел на свою команду.

– Послушайте. Стрит набросала психологический портрет. Просьба слушать внимательно и делать пометки, а потом я хочу, чтобы вы вернулись туда. Томас, – обратился он к одной из двух женщин-детективов в оперативной группе, – вернитесь в район, где живет Лэй Кото, еще раз поговорите с соседями. Продолжайте разговаривать с людьми и ходить до тех пор, пока что-нибудь не прояснится. На улице могла долго стоять машина, или мотоцикл, или велосипед. Его наверняка видел какой-то сосед, какой-нибудь уличный пацан или любопытная старушка. Возможно, они этого даже не знают. Возможно, им просто нужно задать наводящий вопрос, чтобы оживить их воспоминания. Я хочу знать всех, кто побывал в этом районе за две недели до того, как эта женщина была убита. Стивенс, убедись, что мы получили все отчеты из округа Кобб, когда была убита Алиша Ричардсон. Отыщите их всех. Соседей, разносчиков газет, почтальонов, коммунальщиков, первых свидетелей, кого угодно. Между убийствами Ричардсон и Кото прошло пять лет, так что вам нужно отыскать всех и вновь допросить их. Бевинс, свяжись со всеми управлениями полиции на юго-востоке, а потом прошерсти и другие штаты. Возможно, прошло не пять лет. Возможно, жертв больше. Возможно, у нас есть место преступления, где все не так чисто. Уильямс, Балаки, если вам будет нужно обойти все лифты в городе, пока вы не выясните, где охотится этот урод, обойдите их, потому что единственное, что нам сейчас известно о Дэвиде, это то, что мы ни хрена не знаем. Если у вас возникнет хоть малейшее представление о том, о каком здании пишет этот ублюдок – мне наплевать, даже если это просто ощущение, – потребуйте записи с камер наблюдения. Нам терять нечего.

После этого он оставил нас, а сам зашагал по коридору. Из комнаты «военного совета» нам была видна Джин Баском, сидевшая на виниловом стуле в крошечном кабинете Раузера. Шеф Коннор восседал в кресле Раузера.

– Да, лейтенанту не позавидуешь, – сказал детектив Энди Балаки. У него был протяжный южный акцент и кепка с логотипом «Брэйвз». – Что-то мне все это не нравится.

Я прочистила горло и обратилась к собравшимся:

– Семья этого человека, его друзья и, возможно, его коллеги наверняка заметили склонность к чрезмерной критике, капризности и, возможно, даже к словесным оскорблениям. – Никто даже не удосужился поднять глаз. Все продолжали делать то, чем они занимались. Я была тут посторонней, что бы ни сказал им Раузер. – Ладно, послушайте, – сказала я громче. – Я хочу, как и вы, чтобы этот сукин сын убрался с улиц. – Несколько голов повернулись в мою сторону. – Я не собираюсь мешать вам. Я не хочу руководить вашим расследованием. Я здесь, чтобы помогать, а не мешать. Когда-то я делала то же, что и вы. У меня есть опыт работы в правоохранительных органах. Я знаю, как много вы вкалываете. – Еще несколько детективов обратили на меня внимание. – Его места преступления и его письма, им есть что рассказать. Он умелый, этот тип, и осторожен в проявлении своего темперамента. Он не хочет, чтобы его застукали, когда он не владеет собой.

– А как насчет его личной жизни? – поинтересовалась детектив Томас. Она была в джинсах, кроссовках и толстовке армейского зеленого цвета. – Мы ищем кого-то женатого, разведенного, гея, гетеросексуала?

– Он никогда не был женат, – ответила я. – Интимные отношения чреваты препятствиями. Они не длятся долго. Он заводит знакомства и сексуально активен, но это лишь внешне. Он натурал, но его ориентация не имеет ничего общего с выбором жертвы.

Теперь я завладела их вниманием. Один за другим двенадцать детективов, приписанных к этой оперативной группе, вернулись к столу. Первым заговорил детектив Брит Уильямс, хорошо одетый и красивый, с очень смуглой кожей.

– Убийства Кото и Ричардс, и оба случая во Флориде произошли днем. Поэтому мы предполагаем, что он работает в ночную смену.

– Для слежки за жертвой, планирования и осуществления фантазий ему нужны и дневные, и вечерние часы. Поэтому самые важные вещи в его работе – мобильность и свобода. Он может иметь мобильную профессию – например, продажи, строительство, вождение автомобиля, – однако я склонна полагать, что с куда большей вероятностью он располагает этой свободой, поскольку занимает руководящую должность. Он образован, и ему крайне важно, каким его видит мир. Очевидно, у него есть знания о сборе улик и криминалистике, поскольку его сцены безупречны. Насколько хорошо он подкован? Трудно сказать, но, по крайней мере, он наверняка подписан на профессиональные журналы в этой области. Так что нам могут быть полезны списки рассылок таких публикаций и трафик на этих веб-сайтах.

Уильямс кивнул и сделал пометку. Детектив Энди Балаки нахмурился.

– А как насчет блогов? Ведь он явно любитель прихвастнуть. Все эти письма... мол, посмотрите, какой я умный.

– Да, – согласилась я. – Такова цель писем, и есть весьма большая вероятность, что он ведет блог или, по крайней мере, регулярно посещает посвященные ему сайты. А их, по словам моего компьютерщика, уже десятки. А поскольку теперь у него есть имя – Уишбоун, – эти веб-сайты будут множиться. Для него это часть острых ощущений. Он захочет знать все, что говорят правоохранительные органы, и все, что говорят профайлеры, поэтому будет внимательно следить за новостями. Проверьте заодно и детские организации. Он может быть в числе жертвователей, так как явно пережил жестокое обращение в детстве. Сравните эти списки со списками рассылки профессиональных журналов, это может вам что-то дать. – Я на миг умолкла и посмотрела на каждое лицо в комнате. – Убийства становятся более частыми, а периоды охлаждения короче. Я бы не стала называть это необычной закономерностью в активные годы серийного убийцы, но она крайне опасна.

Глава 11

KNIFEPLAY.COM

Блоги вашего интернет-сообщества для взрослых Edge Fetish & Knife Play > По ту сторону лезвия, фантазия пользователя BladeDriver, название блога > Хорошее вино

Ресторан был небольшой и славился своим шеф-поваром, который начал своего рода кулинарную революцию, Новую Южную: никаких правил. Я знал это место. Получить столик здесь было почти невозможно, но он сумел. Он хвастался этим за обедом. Он хвастался по поводу всего.

Когда я с опозданием вошел, он сидел в задней части зала, в хорошо скроенном темно-синем габардиновом костюме от «Бриони». Манжеты светло-голубой рубашки были видны лишь на четверть дюйма, и никак не больше. Мне не терпелось заполучить его.

Он посмотрел на часы, а потом заметил меня. Он явно был раздражен. На столе стояли два полных стакана воды, хлеб и масло. Он хотел убедиться, что все в порядке. Такой уж он парень. Я знал о нем и другие вещи. Он был должен двести сорок тысяч за свой дом, имел двоих детей, любил хорошее вино, играл в гольф, регулярно изменял жене, пять дней в неделю ходил в спортзал, имел немецкую овчарку и любил хвастаться тем, что стал партнером в какой-то дерьмовой юридической конторе. Я всегда основательно делаю подготовительную работу. Это часть удовольствия.

Увидев меня, он просиял, встал, чтобы пожать мне руку, одарил меня своей ослепительной улыбкой и заглянул мне в лицо. Ждал сигнал. Я посмотрел ему в глаза, всего на секунду, однако этого было достаточно, чтобы он поверил, будто я раскрыл о своих намерениях нечто важное, затем быстро опустил глаза и залился румянцем. Его нетрудно изобразить, этот взгляд, хотя в ушах у меня звенело, а жарница в ресторане была почти в сто градусов по Фаренгейту. Я позволил моему взгляду скользнуть к его поясу и задержаться там на миг дольше обычного. Волк улыбнулся. Он решил, что ему повезет. Мне тоже понравилась эта идея. В конце концов, именно поэтому мы и были там. Точно так же, как именно поэтому ты сейчас здесь и читаешь мои фантазии. Ты тоже хочешь трахаться и резать. Как и он.

Мы сели. Он разгладил галстук и жестом подозвал официанта, тихо, едва заметным движением. Вино он уже заказал, даже не посоветовавшись со мной. Он распоряжался персоналом, распоряжался мной, распоряжался всеми нами. Мистер Большие Перспективы. У него все было под контролем.

Мы болтали весь ужин – и оба лгали о том, кто мы такие и чего хотим. Мы знали, что лжем, и нам это тоже нравилось. Снимать маски не было необходимости. Нам обоим было наплевать, что под ними. И тут вино начало делать свое дело. Наши глаза и мысли блуждали, колени соприкасались под столом. Он ухмыльнулся мне, явно решив, что я готов на все. И почему бы нет? Мы уже были полуголыми за его домиком у бассейна, пока его жена в нескольких ярдах от нас развлекала гостей.

Он положил руку на стол и едва коснулся моего мизинца своим, очень осторожно, но это пронзило меня, как лазер. Ко всем нужным местам тотчас прилила кровь.

– Хочешь куда-нибудь пойти? – спросил он.

О да, куда-нибудь у тебя во рту или в штанах.

– Встретимся снаружи, – сказал я и оставил его расплачиваться за ужин. И пока шагал к выходу, его взгляд прожигал мне лопатки. Я это чувствовал. Чувствовал его желание, его похоть. Держи себя в узде, Дэвид, ты, мелкий ублюдок.

* * *

В ту ночь я уснула потным, беспокойным сном. После вылазки в «Южные сласти» я сразу же отправилась в комнату «военного совета» и больше ничего не ела. Белая Мусорка захламляла спать на моих ногах. Я ощущала себя в ловушке. Если не ошибаюсь, я видела, как она один раз слетела с кровати. За это могла быть ответственна одна из моих ног, а также прилив жара. Господи, неужели уже настала пора приливов? Сорок лет не за горами, но не рановато ли? Интересно, страдала ли ими моя биологическая мать, миновала ли она их рано и легко – или именно во время такого прилива зарезала отца, которого я никогда не знала, и попала в тюрьму? Это был единственный раз, когда я думала о них, когда у меня возник вопрос о нашей истории болезни. Не скажу, что меня эмоционально опустошил тот факт, что они отказались от меня. Они сделали это, потому что не могли заботиться о ребенке. Проституция, стриптиз, наркотики и все такое прочее... нет, они действительно были очень заняты. Наверное, я была немного зла из-за того, что выросла на тертом сыре и соусе вместо соевого белка, который помог бы мне пережить гормональные сдвиги, но в целом мне невероятно повезло, что они отдали своего ребенка в приемную семью. Возможно, это был единственный совершенно бескорыстный поступок в их жизни.

Я заварила кофе и добавила в баночку с греческим йогуртом мед и ломтики нектарина. И пока одевалась для встречи, позвонила Раузеру. На Дэвида по-прежнему никаких зацепок, сообщил он мне мрачно и устало.

Я втиснула «Импалу» в гараж, примыкающий к «Сан-Траст-Плаза» по адресу Пичтри-стрит, 303, и зашагала к светофору на углу Бейкер-стрит и Пичтри-Сентер-авеню. Перейти Пичтри-Сентер без светофора предполагало чуть больше азарта, чем мне хотелось. Черт, я выросла на Юге, имела крупные проблемы с алкоголем и вышла замуж за актера. Зачем искушать судьбу дальше?

Я шла мимо пустых столов и стульев уличных кафе и заглядывала в окна на битком забитые бары. Весной и осенью на тротуарах стояли столики, люди сидели и болтали, пили martini, кофе со льдом и эспрессо. Но только не сегодня. Никто не хотел в рабочий день париться в деловом костюме на жаре и в сырости, да еще при красном уровне угрозы смога. Плюс никто не хотел стать мишенью серийного убийцы, чей выбор жертвы не поддавался никакому разумению.

Войдя через вращающиеся двери в здание № 303 на Пичтри-стрит, я с благодарностью подставила лицо холодному кондиционированному воздуху. В Атланте есть несколько необычных офисных башен с вестибюлями и лифтами с панелями красного дерева, итальянского мрамора и хрусталя, коврами ручной работы и потрясающими произведениями искусства. «Сан-Траст-Плаза» была одной из них и славилась своими резидентами – в основном это крупные юридические фирмы и инвестиционные банкиры. Поскольку ее пятьдесят три этажа¹⁰ из блестящего голубого стекла и торчащий из ярусов зубчатых нижних этажей центр расположены на возвышении между Пичтри-стрит и Пичтри-Сентер-авеню, она представляет собой важную доминанту в силуэте города.

Я вошла в один из зеркальных лифтов и вставила ключ-карту, которая позволяла мне попасть на этажи с 48-го по 53-й. Все они принадлежали юридической фирме «Гусман, Смит, Олдридж и Хейз», моему крупнейшему клиенту. По сути, эти люди покупали мне продукты и ежемесячно выплачивали мой ипотечный кредит. Я проверила свое отражение. Неплохо – синий костюм от «Ральф Лорен», белоснежная рубашка. Элегантно, строго, профессионально. Вряд ли это обеспечило бы мне восторженные мужские взгляды, но мой вид говорил о том, что

¹⁰ В настоящее время в «Сан-Траст-Плаза» насчитывается 60 этажей.

собственный имидж мне не безразличен, и что я серьезно отношусь к своей работе и не заинтересована в конкуренции с моими клиентами. Туфли, однако, скорее говорили со мной, чем обо мне. В данный момент они говорили: «Эй, ты там, наверху, в этом месяце тебе придется обойтись без кое-каких вещей». Согласна, время от времени я трачу слишком много денег на обувь, но знаю людей, которые ежемесячно тратят тысячи долларов на кокаин, так что, если сравнивать, это не так уж и много.

Меня пропустили через стеклянные двери и указали офисы партнеров. У меня была назначена встреча с Маргарет Хейз – сейчас она являлась одной из самых дорогих и успешных адвокатов по уголовным делам. Увидев меня, ассистентка Хейз, Дайана, улыбнулась. Немного похожая на Питера Пэна блондинка, она была в сером костюме, который, как мне показалось, я видела в витрине универмага «Мэйсис». У Дайаны тело как будто созданное для готовой одежды. Никаких проблем. Она была очаровательна.

– Привет, подруга, – сказала она и протянула мне со своего стола пару папок, которые оставили для меня адвокаты.

Дайана Пауласкас была моей подругой еще в колледже и держала меня в курсе политики офисов по адресу: Пичтри-стрит, 303. Она жуткая сплетница, но именно благодаря ей у меня теперь есть работа в такой фирме, как «Гусман, Смит, Олдридж и Хейз». Она подсовывала мою визитку в каждую папку и офис на пяти верхних этажах, и когда адвокат просил порекомендовать ему частного детектива, Дайана называла мое имя, как если б я была золотым стандартом. Она могла выпить по два джина с тоником на каждую из моих клубных газировок и никогда не лезла за словом в карман. Дайана Пауласкас была из тех людей, что всегда скажут вам правду, когда вы их об этом не спросите.

– Что новенького по части личной жизни? – спросила она.

Я закатила глаза, как будто была выше такого рода вещей.

Дверь в кабинет Маргарет открылась. Мы с Дайаной тотчас затаили дыхание. Когда Маргарет Хейз входила в комнату, люди, казалось, таяли, как желатин в кипятке, и мы не были исключением. На каблуках она была более шести футов ростом, ниспадающие ниже плеч волосы с рыжими прядями выглядели, как гребаная реклама «Лореаль». В общем, она была шикарна.

– Пожалуйста, входите, Кей, – тепло сказала Маргарет и пожала мне руку. Она всегда пожимала мне руку и всегда настаивала на том, чтобы говорить со мной лично. Другие адвокаты обычно ограничивались тем, что, торопливо набросав кое-какие инструкции, оставляли для меня папку на столе Дайаны. Но только не Маргарет.

– Кстати, спасибо за прекрасную работу по делу Штубарта, – сказала она и провела меня к стулу в зоне отдыха своего огромного кабинета. – Вы снабдили меня такой ценной информацией, которую можно использовать против свидетелей обвинения, что дело даже не дойдет до суда. Я кое-что отправила вам в офис.

– В этом не было необходимости, но спасибо. Чудесная корзина. Мы были в полном восторге, – солгала я. Я уже отдала фрукты Чарли.

Маргарет улыбнулась, села на стул рядом со мной и скрестила длиннющие ноги.

– Вижу, вы сумели оформить документы на Лабрека. Легко ли было вручить ему повестку?

Я пожала плечами.

– Было бы труднее, не будь мы в церкви.

Маргарет кивнула.

– Этого я и боялась.

– Малопрятный тип.

– Вел себя агрессивно?

Я показала ей синяк на запястье.

– Еще буду чувствовать это день или два.

Ее ноздри слегка раздулись.

– Жена этого человека – подруга моего друга, и она попросила меня о помощи, – объяснила Маргарет. Это было не то дело, за какие она обычно бралась. На этом этапе своей карьеры она могла выбирать из длинного списка желающих. Ее офис с окнами на вершине сверкающей офисной башни в центре города был свидетельством ее успеха.

– Он какое-то время издевается над женой и ребенком. Запретительный ордер – это только первый шаг. Я вручила его одному из наших адвокатов. Надеюсь, жена доведет дело до конца и подаст на развод. Извините, что он распустил руки. – Маргарет встала и подошла к своему столу. – Если я правильно помню, вы любите диетическую «Пепси», верно? – Она нажала на кнопку интеркома. – Дайана, не могла бы ты найти для Кей диетическую «Пепси»?

– Конечно, – услышала я бодрый голос Дайаны.

Несколько минут я читала бумаги, которые мне вручила Хейз, и наконец подняла глаза.

– Вы взяли клиента, который выстрелил в своего босса двадцать три раза?

Маргарет кивнула.

– Мы будем настаивать, что это было сделано в целях самообороны.

– Понятно.

– Его босс тот еще громила, и мой клиент опасался за свою жизнь. Вся их компания – сборище головорезов. Большинство вооружены. Компания по эвакуации автомобилей. Очень крутые парни.

В дверь кабинета легонько постучали. Улыбаясь, вошла Дайана и протянула мне стакан «Пепси» со льдом. И тотчас увидела бумаги в моей руке.

– Смотрю, ты листаешь дело этого водителя эвакуатора? Вам будет нелегко найти беспристрастных присяжных. Все в городе просто ненавидят эвакуаторщиков...

– Спасибо, Дайана, – прервала ее Маргарет и, поправив на своем столе стопку бумаг, вручила их своей ассистентке. – Похоже, это все.

– Разумеется, – с улыбкой ответила Дайана.

Я посмотрела ей вслед, затем вновь повернулась к Маргарет.

– Итак, он выстрелил в него из «Глока-девятки» двадцать три раза? Значит, он должен был перезарядить пушку. Что подразумевает спокойствие и осознанное намерение, а не испуг.

Тонкая улыбка.

– Вот почему вы нужны мне, Кей. Вы понимаете трудности, с которыми мы сталкиваемся. А теперь идите и найдите хоть что-то страшное и пугающее на босса моего клиента. У нас есть три месяца на подготовку. Жду от вас результат в течение следующих четырех недель.

Я встала, сделала глоток диетической «Пепси», поставила стакан на стеклянный столик рядом со своим стулом и подошла к столу Маргарет.

– Я могу оставить эту информацию у себя?

– Да. Это ваш экземпляр.

Я взяла с ее стола фотографию в рамке и рассеянно посмотрела на нее. Это была пара в купальных костюмах. Мужчина держал на руках маленькую девочку с глазами Маргарет. Они были на палубе корабля, оба красивые и очень загорелые. Женщина показалась мне особенно знакомой.

– Вы и ваши родители? – спросила я.

– Да, вот это были деньки, – сказала Маргарет и улыбнулась. – Мне тогда не нужно было работать.

– Красивая семья. – Я вернула фотографию на место и попыталась поставить ее точно так же, как она стояла до этого. Маргарет уже перешла к другой толстой стопке бумаг на ее столе.

– Поговорим через пару недель, хорошо? – сказала она, не поднимая глаз.

Дайана остановила меня на выходе. Она уходила с работы, чтобы встретиться с Нилом и Чарли у меня в офисе и посмотреть что-то на большом экране, и хотела знать, когда я присоединюсь к ним. Мой офис был местом сбора для всех нас, особенно во время бейсбольного сезона – для меня, Раузера, Дайаны, Нила и Чарли. Я подумала о телевизоре, установленном моими дизайнерами, 72-дюймовом жидкокристаллическом рабе любви, который с помощью пульта дистанционного управления опускался со стропил на бесшумной серебристой лебедке.

– Не могу, – сказала я ей.

Я хотела найти Раузера. Мне не терпелось вернуться в комнату «военного совета». Наверняка поступили новые отчеты с деталями повторных допросов по делу Уишбоуна, и уже явно начались звонки по анонимной линии. Это был второй день поисков Дэвида, два дня с того момента, как было получено письмо с угрозами убить его. Раузер и его детективы сбились с ног и пребывали в полном отчаянии. Они прошерстили автомобили и записи телефонных разговоров в поисках людей по имени Дэвид и даже пытались связаться с ними – библейское имя в южном библейском поясе и районе с населением в почти пять миллионов человек. *Три дня, лейтенант. Тик-так.* Если письмо было правдой, у нас оставалось двадцать четыре часа. Места для оптимизма было не слишком много.

– Я кое с кем встречаюсь, – сказала мне Дайана. – Это серьезно.

– Прекрасно, – сказала я, а про себя подумала, что у Дайаны вечно все серьезно. Она влюблялась быстро и по уши, была слишком липучей и ласковой, и слишком доступной, и в конце концов оставалась с разбитым сердцем. Я посмотрела на часы. – Я позвоню тебе через пару дней. Обещаю. Хочу услышать все об этом.

Глава 12

Было почти два часа ночи. Раузер включил мигалку, но сирену врубать не стал – незачем будить аборигенов. Мы съехали с Пичтри в Бакхед и свернули на Пьемонт-роуд, молча направляясь к месту нового убийства. Жертва мужского пола, найден лицом вниз, с видимыми следами укусов и ножевыми ранениями. Окна «Краун Вик» были опущены, теплый воздух трепал нам волосы, пищащий полицейский сканер создавал странную фоновую музыку. В мигающем голубом свете суровый профиль Раузера выглядел как нечто сошедшее с комиксов про Дика Трейси. Все казалось каким-то нереальным. Место преступления, когда оно свежее, – бесценный инструмент. Увидеть его таким, каким его оставил убийца, понюхать, ощупать, выслушать его историю. В отличие от свежей сцены, фотографии с места преступления редко способны ошеломить вас первыми впечатлениями и подсознательными ассоциациями. И они никогда не дают вам ощущения ракурса, расстояния, пространства. Однако времени всегда недостаточно. После обнаружения преступления ландшафт сцены начинает меняться безвозвратно. Включается свет, улики упаковываются в пакеты, начинает циркулировать воздух, тело потревожено. Мелкие улики собраны, но некоторые уносят с собой потоки воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.